

ср. словарь Бернекера ¹⁾; вѣдь *ѣ* чередуется съ *е*, а не съ *іо*.—Окончаніе црксл. *-евъ* для I л. двойств. ч. наст. вр. тутъ не можетъ служить доказательствомъ (ср. Основы Ульянова 20 сл. и Brugmann Grdr. II, 1356), такъ какъ это *-евъ* замѣнило собою старое *-овъ* (съ *ов* изъ иде. оц), сохранившееся въ формахъ прошедшихъ временъ. Но за то косвенно подтверждается правило о сохраненіи *ev* передъ *е*, *і* славянскимъ склоненіемъ личнаго мѣстоименія II лица ед. числа и личнаго возвратнаго мѣстоименія, какъ показали Meillet въ Recherches 85 слл. Предположеніе же Вондрака Vrgl. sl. Gr. I, 84, что *ev* сохранилось кое-гдѣ только «unter dem Systemzwange», можетъ быть примѣнено пожалуй къ формамъ вродѣ праслав. gen. s. **teve* (>*tebe*) или **devetъ*, но не къ изолированному црксл. *древнѣ* и къ вышеупомянутымъ балтійскимъ глагольнымъ и именнымъ формамъ. И совершенно безпочвенно недоумѣніе Вондрака, «wie so die palatalen Vokale schon im Urbaltischslav. diese Wirkung hätten ausüben können»: активное вліяніе на судьбу *ev* оказывали гласные не передняго, но задняго ряда, такъ какъ передъ *а*, *о* имѣлъ мѣсто ассимиляціонный переходъ *ev* въ *av* (*ov*), между тѣмъ какъ передъ *е*, *і* старое *ev* просто сохранялось.—Я охотно признаю, что славянскихъ примѣровъ сохраненія *ev* передъ *е*, *і* очень мало; но въ ихъ числѣ мы нашли вполне изолированное и поэтому и весьма доказательное црксл. *древѣ* *е*, между тѣмъ какъ въ пользу теоріи о переходѣ всякаго *ev* въ *ov* можно въ сущности привести только окончаніе пом. pl. основъ на *-и*. Обобщеніе гласнаго *о* въ црксл. глаголахъ вродѣ *пловѣ* (: гр. *πλέω*) нисколько не болѣе поразительно, чѣмъ обобщеніе того же гласнаго въ латинск. *voto* (: гр. *ἐμέω*) и *solo* или обобщеніе согласнаго *π* въ гр. *λείπω*. И въ основахъ на *-es* (вродѣ црксл. *словес-*) *ov*, фонетически возникши въ

¹⁾ Относительно значенія словинскаго *drèvi* «сегодня вечеромъ» укажу на слов. *dàvi* «сегодня утромъ» и старор. *давѣ* «вчера»; можетъ быть и слов. *drèvi* значило когда-то «вчера», а потомъ, подъ вліяніемъ также оканчивающейся на *-vi* формы *dàvi* «сегодня утромъ», получило теперешнее значеніе (ср. сочетаніе *drevi in davi* «immerdar» у Плетершника). Не заключается ли *ѣ* также въ сербохорв. *staròdrèvan* (если оно изъ говоровъ съ *ѣ* изъ *ѣ*) «старинный» и ч. *dřive* (староч. *drzyewe*), словацк. *driev* «раньше»? Со слав. *drèv-* ср. лит. *drèvis* (у Куршата въ скобкахъ) «борть».

пом., асс. и voc. s., могло быть обобщено такъ же, какъ обобщено изъ тѣхъ же надежей то же *o* въ латинск. *holus* «зелень». Другихъ же примѣровъ для перехода *eu* въ *ou* передъ гласными передняго ряда я не знаю, за исключеніемъ уже упомянутаго окончанія *-ove* для пом. pl. основъ на *-u*, которое въ виду гр. *-εεε* и гот. *-jus* скорѣе восходитъ къ иде. *-eues*, нежели къ *-oues*, хотя не можемъ быть вполне увѣрены въ этомъ (столь же двусмысленны ар. *-avas*¹⁾ и галльск. *-oves*). Но это *-ove* легко могло возникнуть

¹⁾ Краткость перваго *a* въ ар. *-avas* не доказываетъ, что оно восходитъ къ иде. *e*, а не *o*. Послѣ обширной литературы, посвященной „закону Бругмана“, я не вижу надобности тутъ о немъ распространяться и поэтому ограничусь краткой замѣткой по этому поводу. Что иде. *o* перешло въ открытыхъ слогахъ въ ар. *ā*, это было невѣроятно а priori потому, что такое удлиненіе краткаго гласнаго тутъ трудно объяснить; и еще болѣе можно было убѣдиться въ неправомерности гипотезы Бругмана, когда счастливо было устранено то *ā*, которое нѣкоторое время (рядомъ съ *o*) приписывалось иде. праязыку. Да и самъ Бругманъ, какъ можно судить по его новѣйшимъ трудамъ (ср., наприм., JF. XXIV, 166), все болѣе сомнѣвается въ существованіи своего „закона“. Къ этому прибавлю еще нѣсколько данныхъ изъ балтійскихъ языковъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на возникновеніе скр. *tvātpitāras* „имѣющие тебя отцомъ“ рядомъ съ *pitāras* „отцы“. Въ балтійскихъ языкахъ мы находимъ иногда удлиненіе краткаго гласнаго подъ побочнымъ удареніемъ, особенно въ сложныхъ словахъ: лит. *išolis* (по Юшкевичу *išoliš*) и *pašolys* „Frost in der Erde“ при *šalo* „морозило“; *gėgeris* „лучшая вещь“ при *gėras* „хорошій“; *māžmožiai* „мелочи“ при *māžas* „малый“; *skānskoniai* „лакомства“ при *skanus* „вкусный“; *atūdiogiai* „яровая рожь“ (ср. Bezzenberger GGA. 1885 г., стр. 913) при пр. *dagis* „лѣто“; *arkligonė* „пастыба лошадей“ и *naktigonė* „ночная пастыба“ при *ganyti* „пасти“; *ištoka* „истокъ“ и *itoka* „устье“ при *takas* „стежа“; *prāmonė* „небылица“ и *išmonė* „разумѣніе“ при *manyti*; *saunošai* „zusammengetragenes Geröll“ при *naštā* „ноша“; лат. *sētmālis* „мѣсто около самаго забора“ (напр. въ Вольмарѣ, Жукстѣ, Лестенѣ, Старо-Аутцѣ, Роннебургѣ), а. s. *ezarmāli* „побережье (озера)“ наприм. въ Буртнекѣ, *upmālis* „порѣчье“ напр. въ Вольмарѣ и Готтардсбургѣ, *žuogmāla* (= *sētmālis*) BW. 23619, 10 вар., l. s. *celmāle* BW. 29556, 1 вар., *siēnmālis* „подстѣнное мѣсто“ BW. 8603, 13 вар. и Zemkopis 1903 г., стр. 310, loc. s. *ežmālē* BW. 28320 вар., *druvmālē* l. s. 28321, 1 вар., при *mala* „край“; *sudmālas* „мельница“, напр. въ Ливенбергенѣ, Вюрцавѣ, Элсѣ, Фокенгофѣ и Грюнгофѣ, при *malu* „я молодъ“ (относительно *sud* см. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XIII, 4, 210); *kaigāle* „изножье“ и *skangāls* BB. XIV, 149 или (съ перестановкою) *skalgāns* BW. 23475, 1 „лучина“ при *gals* „конечъ“; *nuopīle* „was abträufelt“ при *pīlet* „капать“; *paērglis* „можжевелинникъ“, наприм. въ Вольмарѣ (о вставномъ *r* см. KZ. XLIV, 60), при *egle* „ель“ (ср. однако также лит. *ėglius* „можжевелинникъ“, съ долготою изъ сложныхъ

на мѣстѣ стараго *-eve(s)* рядомъ съ *-ovs* (вѣроятно изъ иде. *-eṓm*) въ gen. pl., такъ какъ въ цѣломъ рядѣ словъ окончаніямъ *-e* (въ

формѣ?). Въ суффиксальныхъ слогахъ мы находимъ удлинёніе подъ побочнымъ удареніемъ въ лат. *vakār* „вчера“, напр. въ Жукстѣ, Рупавѣ, Гофцумбергѣ, Грюнгофѣ и Сессавѣ, при *vakars* „вечеръ“; *citūr* „alibi“ и *visūr* „вездѣ“ (при *tur* „тамъ“), напр. въ Удзёнѣ, Жукстѣ, Вайноденѣ, Грезенѣ, Гроссѣ-Эзернѣ, Нейенбургѣ, Ваненѣ, Грюнгофѣ, Бюрпавѣ, Рупавѣ, Ворменѣ, Старо-Аутцѣ и Абгунетѣ; въ суффиксѣ *-us-* причастія прош. времени, наприм. п. pl. *dzimūši* во многихъ говорахъ средней Курляндіи (напр. въ Удзёнѣ, Берегофѣ, Жукстѣ, Шмарденѣ, Олаѣ, Замитенѣ, Ремтенѣ, Струттельнѣ, Нейенбургѣ, Старо-Аутцѣ и Бененѣ); а. s. *lāidēri* (съ откр. ē) „скотный дворъ“ въ Гульбернѣ (при лит. *laideri*, см. выше стр. 90); *ābele* (напр. въ Зербигалѣ и Нейгутѣ), *ābele* съ открытымъ ē (напр. въ Адлененѣ); *ābēls* (основа на *-i*, съ откр. ē; напр. въ Марценѣ) или *ābēls* (въ Эрлаа, съ откр. ē; см. также форму уменьшительнаго съ долгимъ гласнымъ передъ *l* въ Зельзау ВВ. XVI, 325) „яблоня“ при *ābele* и лит. *obelis*; инфл. *dzagiņze* (съ *i* изъ ū) „кукушка“, Smelters, Tautas dzišmu... wocelteite 6 и BW. 32070, при *dzeņuze* и лит. *gegužė*; *pulvērs* „порохъ“, напр. въ Вольмарѣ, изъ н. *Pulver*; *pirāgs* изъ р. *nipovs*; *biskāps* „епископъ“; *gliēmēzis* „улитка“ (П. Шмидт, Троякая долгота 20) при лит. *gliemežys* въ словарѣ Lalis'a; *peļūde* (ср. ВВ. XXV, 276 сл. и KZ. XLIV, 50² и 132) „плевица“ при лит. *pelūde*. Что рядомъ съ долгою сохраняется и краткость (напр. *ābele* рядомъ съ *ābele*), неудивительно, такъ какъ въ падежныхъ формахъ съ долгимъ окончаніемъ побочное удареніе переходитъ съ предпоследняго слога на послѣдній, а во второй части сложныхъ словъ можетъ сказываться вліяніе соответствующаго корня внѣ сложныхъ формъ. Ср. съ этимъ еще замѣтку Явниса (Поневѣжскій уѣздъ 114), что въ Хвейданскомъ литовскомъ говорѣ подъ побочнымъ удареніемъ „первоначально краткіе *a* и *e* переходятъ не въ долговатые, какъ подъ главнымъ, а въ долгіе сильносрединные“ (долгота эта, значить, восходитъ тутъ по крайней мѣрѣ къ пралитовской эпохѣ), указаніе Мюки (Laut-und Formenlehre der niedersorb. Spr. 146), что въ нижнелужицкомъ предпоследній слогъ удлинняется подъ побочнымъ удареніемъ, гот. *ahtaudōgs* „восьмидневный“ и *fidurdōgs* „четырехдневный“ при *dags* „день“, *sibuntēhund* „70“, *ahtautehund* „80“, *niuntēhund* „90“, *taihuntēhund* „100“ при *taihun* „10“, гр. εἰῆνωρ (главное удареніе могло первоначально падать на первый слогъ) при *ἀνῆρ* и др., скр. *bhā-drajāni-* и др. (у Вакернагеля, Altind. Gr. II, 1, 100 сл.) при *jāni-* „жена“ (въ гот. *qēns* долгота, можетъ быть, возникла въ сложныхъ формахъ). Приведенные мною случаи удлинёнія, конечно, относятся къ различнымъ эпохамъ, причѣмъ удлинёніе во второй части сложныхъ словъ можетъ восходить къ иде. праязыку. Послѣ всего этого я считаю возможнымъ, что также въ скр. *tvātpitāras* удлинёніе *a* было вызвано побочнымъ его удареніемъ. Съ этимъ сходится мнѣніе Uhlenbeck'a PBrV. XXII, 546, по которому скр. *jajāna* возникло изъ *jājāna* (ср. гр. γέγονα) въ энклитическомъ положеніи; но, въ противоположность Uhlenbeck'у, я не вижу надобности выводить *jajāna* изъ **g'ég'ōne*, полагая, что по отношенію къ ударенію также въ энклитическомъ положеніи преобладалъ именно второй слогъ этого слова, уступая однако главному ударенію предыдущаго слова.

пот. pl.) и -ъ (въ gen. pl.) предшествовалъ одинъ и тотъ же слогъ, ср. наприм. пот. pl. прксл. *пѣтъѣ, камене, дѣне, граждане, дѣлателе, боларе* рядомъ съ gen. р. *пѣтъи, каменѣ, дѣнѣ, гражданѣ, дѣлателѣ, боларѣ*. Кромѣ того, въ склоненіи основъ на -и имѣлось -ov- еще въ gen., loc. du. (въ положеніи передъ -и) и въ dat. s. (въ положеніи передъ -i, которое тутъ можетъ восходить къ иде. -ai) и дифтонгъ *oi* (откуда потомъ получается *и*) въ gen., loc., voc. s. Послѣ всего этого сохраненіе -eve было бы, пожалуй, болѣе удивительно, чѣмъ замѣна его черезъ -ove.

Установивъ, что передъ гласными передняго ряда *ev* сохраняется какъ въ балтійскихъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ, мы тутъ еще должны разсмотрѣть вопросъ о времени свойственнаго балтійскимъ и славянскимъ языкамъ перехода *ev* въ *av* (*ov*) передъ гласными задняго ряда. Есть ли данныя, мѣшающія намъ относить этотъ переходъ къ эпохѣ предполагаемаго славяно-балтійскаго единства? Утвердительно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ Zupitza KZ. XL, 250 сл. и вслѣдъ за нимъ Trautmann Altpr. Spr. 146 сл. Zupitza полагаетъ, что *ev* перешло въ (слав.) *ov* только послѣ палатализаціи заднебныхъ *k* и *g*, ссылаясь при этомъ на староч. *vščevuji* «навѣщаю», гдѣ *č* (изъ *k'*) будто бы мѣшало переходу *ev* въ *ov*. Въ выноскѣ къ этому мѣсту онъ, впрочемъ, самъ заявляетъ, что «die sprachchronologische folgerung daraus ist nicht sicher», но по видимому только потому, что онъ сомнѣвается въ правильности сопоставленія этого *vščevuji* съ прасл. **čujō*. Сопоставленіе это однако можетъ быть правильно, но только оно ничего не доказываетъ относительно времени перехода *ev* въ *ov*. Рядомъ мы находимъ староч. *(na)vščieviti* > новоч. *navštiviti* «навѣститъ», гдѣ (ср. словарь Бернекера подъ *čujō*) староч. *ie* считается удлиненіемъ прасл. *e*. Если это дѣйствительно такъ, то въ только-что приведенной формѣ *ev*, находясь передъ *i*, вовсе не могло перейти въ *ov*, независимо отъ того, какой звукъ находился передъ *ev*, а изъ **vščeviti* *ev* могло быть перенесено въ формы съ гласнымъ задняго ряда за *ev*, или же въ эпоху праславянскую *k'* (откуда потомъ *č*) изъ положенія передъ *e* могло быть перенесено также передъ *o* (взамѣнъ *k*), послѣ чего изъ *k'o* должно было получиться опять

k'e > če, ср. съ этимъ напр. лат. *šk'aidit* «мотать» съ *šk'* вмѣсто *sk* подъ вліяніемъ родственнаго *šk'iest* «разсыпать» ВВ. XXIX, 188. Но какъ бы то ни было, изъ предыдущаго видно, что эти чешскія слова намъ ничего не говорятъ относительно времени перехода *ev* въ *ov*. Далѣе Zupitza I. с. ссылается на отношеніе црксл. *шун* (=скр. *savú-s* «лѣвый») къ лит. *paĩjas* «новый» (=скр. *návya-s*, гот. *niujis*), заключая отсюда, что литовскій переходъ *ev* въ *av* не находится въ связи со славянскимъ *ov* изъ иде. *eu*. Это заключеніе однако не можетъ считаться обязательнымъ, такъ какъ отношеніе црксл. *шун* къ лит. *paĩjas* допускаетъ нѣсколько объясненій даже въ томъ случаѣ, если лит. *paĩjas* дѣйствительно восходитъ къ иде. **neujos*. Очень возможно, что Zupitza правъ, полагая, что въ праславянскую эпоху **se-ujos* измѣнилось въ **seu-jos* еще до перехода *e-ц* въ *o-ц*, но навѣрно мы этого не можемъ знать. Мы вѣдь не знаемъ, получалось ли въ праславянскомъ *o-v* изъ *e-v* также передъ послѣдующимъ *-jos*, причемъ не исключена также возможность, что рядомъ съ *-jo* въ основѣ *seujō-* имѣлось *-i* въ пом., асс. s. (**seujis*, **seujim*), а въ такомъ случаѣ *e-ц* въ другихъ словахъ могло перейти въ *o-ц* еще до перехода *se-ujō-* въ *seu-jo-*. А допуская, что Zupitza правъ относительно црксл. *шун*, мы все-таки еще не лишаемся возможности думать о связи балтійскаго *av* изъ *eu* съ славянскимъ *ov* изъ *eu*: стоитъ только предположить, что въ праславянскихъ говорахъ *-e/o-ujō-* перешло въ *e/o-u-jo-* раньше, чѣмъ въ балтійскихъ говорахъ. Въ этомъ отношеніи, вѣдь, расходятся другъ съ другомъ, на что указалъ самъ Zupitza I. с., не только отдѣльные балтійскіе языки, но даже отдѣльныя прусскія нарѣчія: рядомъ съ литовско-латышскимъ *-au-ja-* мы находимъ въ прусскихъ говорахъ II и III катехизисовъ повидимому *-a-ujā-* (скорѣе всего это доказывается формою *kraewiewe* «крови» II катехизиса, ср. однако также *paupan* въ III кат.), тогда какъ въ Эльбингскомъ словариѣ и въ I катехизисѣ уже имѣется *-au-ja-*. Мы впрочемъ навѣрно не знаемъ, какова была судьба сочетанія *-e-ujā-* въ прабалтійскихъ говорахъ. Лит. *paĩjas* не можетъ быть признано несомнѣннымъ доказательствомъ того, что изъ упомянутаго сочетанія получалось непременно *-a-ujā-*. Смягченное *n* въ формѣ **niaĩjas* (которая должна была

получиться, если *e* передъ *-cja-* не перешло въ *a*) могло быть замѣнено несмягченнымъ подъ вліяніемъ родственнаго *navas* «новый» (у Куршата въ скобкахъ; пр. *nawans* въ I катехизисѣ Траутманъ Altpr. Spr. 382 предлагаетъ исправить въ *nawns*, что врядъ ли правильно: что-нибудь въ сочетаніи *sta nawans testamentan*, вѣроятно, ошибочно, но *sta *nawns testamentan* нисколько не лучше, и *nawa-*¹⁾ мы находимъ также въ *neuwenen* II катехизиса), ср. напр. прксл. *плутѣ* (вмѣсто **плѣтѣ*) съ твердымъ *л* подъ вліяніемъ *пловъ*. Но ничто намъ не мѣшаетъ думать, что лит. *naĩjas* дѣйствительно восходитъ къ прабалтійскому **na-vja* съ *a-v* изъ *e-ц*, такъ какъ гипотеза объ ассимиляціонномъ переходѣ *e-ц* въ *a-ц* также передъ послѣдующимъ *ja* въ прабалтійскомъ не можетъ быть опровергнута данными языка. И въ пользу этого говорить также лит. *kraĩjas*, пр. *craĩjo* или *krawia*²⁾ «кровь» (ср. лат. *kreve* «струѣ» и гр. *κρέας* «мясо»).—Нѣтъ, значить, никакихъ препятствій считать балтійскій переходъ *ец* въ *av* и славянскій переходъ *ец* въ *ov* (вѣроятно изъ *av*) одновременно происшедшими, но доказана быть не можетъ эта одновременность: не исключена возможность случайнаго совпаденія въ результатахъ. Столь же неопредѣленно я долженъ высказаться объ утратѣ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ начального *ц*- передъ *r* и *l*, которую рядомъ примѣровъ доказалъ Lidén, Ein balt.-slav. Anlautgesetz (впервые же на это указалъ, насколько мнѣ извѣстно, v. Sabler KZ. XXXI, 283, а потомъ и Froehde BB. XXI, 205, Zupitza, German. Gutt. 170¹; Rozwadowski, Quaestionum gram. atque etym. ser. II, 8 сл. и Гиртъ PBrV. XXII, 235). Ту же утрату мы встрѣчаемъ также въ латинскомъ и древне-верхненѣмецкомъ языкахъ, такъ что это отпаденіе начального *ц*- легко можетъ быть случайнымъ совпаденіемъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ.

¹⁾ Относительно же *nawns* ср. Leskien Bild. d. Nom. 359.

²⁾ Траутманъ I. с. 147 съ одобреніемъ указываетъ, будто Zupitza I. с. считаетъ форму *krawia* трехсложной (!), имѣя при этомъ, должно быть, въ виду KZ. XL, 252, гдѣ (строка 6 сверху) даются прусскіе примѣры сочетанія «*a*cia**». Но весь контекстъ ясно показываетъ, что *i* тутъ опечатка вмѣсто *j*. И едва ли подлежитъ сомнѣнію, что *i* въ *krawia* обозначаетъ неслоговой звукъ, ср. напр. *iou̯s* «вы», *iakint* «упражнять», *iūrin* «море», *dālan* «даръ», *twaiā* «твоя» и др. у Траутмана I. с. 154 сл.

За то весьма поразительно известное совпадение по отношению къ ударенію литовскихъ формъ вродѣ п. s. *rankà*: а. s. *raĩka* съ р. *рукá*: *рѹку* и срб. *rika*: *rũki*, обусловленное известнымъ закономъ о переносѣ ударенія съ циркумфлексированнаго слога на послѣдующій слогъ, если тотъ произносился съ акутомъ. Это совпадение настолько необычайно, что сама собою напрашивается мысль о взаимной связи этого явленія въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ. И въ самомъ дѣлѣ; нѣкоторые языковѣды относятъ дѣйствіе только что упомянутаго закона къ «славяно-балтійской» эпохѣ. Другіе, правда, это оспаривали, но ихъ доводы, кажется, могутъ быть опровергнуты, ср. статью Кульбакина Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. XI, 4, 245 слл. (съ указаніями литературы ¹⁾ по этому вопросу). Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ я, правда, не согласенъ со своимъ многоуважаемымъ коллегой, и на интересующій насъ сейчасъ вопросъ о славяно-балтійскомъ праязыкѣ, можетъ быть, проливали бы нѣкоторый свѣтъ также другія особенности ударенія славянскихъ и балтійскихъ языковъ. Но тѣмъ не менѣе я сейчасъ не рѣшаюсь вдаваться въ темныя во многихъ мѣстахъ еще дебри славяно-балтійской акцентологии. Сказать въ этой области что-нибудь новое почти невозможно безъ предварительнаго детальнаго изученія въ этомъ отношеніи всѣхъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ. Пришлось бы собрать по первоисточникамъ и привести въ порядокъ матерьялъ и на основаніи этого матерьяла по мѣрѣ возможности установить удареніе праславянское и прабалтійское. Такого рода работа была бы весьма желательна и навѣрно увѣнчалась бы новыми результатами; такъ, наприм., весьма важнымъ дополненіемъ къ Куршату, Барановскому и Явнису по отношенію къ литовскому ударенію являются данныя, которыя находимъ у Даукши и въ современныхъ литовскихъ говорахъ, ср. KZ. XLIV, 49 слл. Но работа надъ этимъ разрослась бы въ цѣлую книгу и вышла бы такимъ образомъ изъ рамокъ этихъ этюдовъ. И въ концѣ концовъ можно было бы только въ весьма скромныхъ размѣрахъ возстановить праславянское и особенно же прабалтій-

¹⁾ Ср. послѣ этого еще Pedersen KZ. XL, 213 слл., Meillet (который относится къ этому отрицательно) JFA. XXVII, 140 (Bull. de la Soc. de ling. не имѣется въ моемъ распоряженіи) и Les dialectes 45 сл. и Hujer, Slov. dekl. jm. 97 сл.

ское удареніе: вѣдь наши свѣдѣнія о прусскомъ удареніи слишкомъ отрывочны; въ латышскомъ, гдѣ теперь господствуетъ нанаачальное удареніе, прерывистая интонація слова, правда, указываетъ, что по крайней мѣрѣ въ части формъ этого слова удареніе когда-то падало на окончаніе, а въ какихъ именно формахъ, этого намъ данныя самого латышскаго языка не показываютъ; въ литовскомъ же языкѣ по отношенію къ ударенію произошло очень много измѣненій еще въ доисторическую эпоху этого языка, какъ показываетъ хотя бы то обстоятельство, что всѣ литовскіе первичные глаголы съ акутованнымъ корнемъ имѣютъ теперь во всѣхъ формахъ удареніе на первомъ слогѣ, между тѣмъ какъ латышская прерывистая интонація въ части этихъ глаголовъ еще указываетъ, что когда-то они имѣли подвижное удареніе, ср. ВВ. XXV, 270 и КЗ. XLIV 57.

Закончивъ обзоръ сходныхъ явленій въ области славяно-балтійской фонетики, перейдемъ къ вопросу о старыхъ различіяхъ въ этой области между славянскими и балтійскими языками (помимо вышеупомянутаго различія въ судьбѣ индоевропейскаго *s*).

На мѣстѣ праиндоевропейскихъ *a* и *o* мы находимъ въ славянскихъ языкахъ *o*, въ балтійскихъ же языкахъ — *a*; нѣтъ однако никакой надобности усматривать въ этомъ очень старое различіе. Когда-то прежде господствовало мнѣніе (узаконенное Бругманомъ Grdr. I², 146; и теперь еще его придерживаются многіе въ силу традиціи), что въ славянскихъ языкахъ иде. *o* сохранилось безъ измѣненій (причемъ еще въ «славяно-балтійскую эпоху» получилась новая *o* изъ иде. *a*), балтійское же *a* восходитъ черезъ «славяно-балтійское *o* къ иде. *a* и *o*. Научныхъ основаній эта гипотеза не имѣла никакихъ; если же она тѣмъ не менѣе смогла приобрести такую популярность, то только потому, что многіе изъ славистовъ находили возможнымъ при изученіи исторіи славянскихъ языковъ не считаться съ близко родственными балтійскими языками. А такъ какъ по извѣстнымъ причинамъ нѣтъ никакой «балтійской филологіи», которая бы могла указывать на односторонность этого мнѣнія славистовъ, то оно временно сдѣлалось господствующимъ. Опровергнуть собственно и нельзя его: совпаденіе иде. *a* и *o* въ слав.-балт. *o* само по себѣ столь же возможно, какъ совпаденіе ихъ въ

слав.-балт. *а*. Но если вспомнимъ, что иде. *о* перешло въ *а* также въ сосѣднихъ германскихъ, арійскихъ и въ албанскомъ языкахъ, то совпаденіе иде. *а* и *о* въ слав.-балт. *а*, пожалуй, станетъ правдоподобнѣе ¹⁾, такъ какъ это звуковое явленіе, можетъ быть, представляетъ собою «волну», охватившую всѣ сѣверо-восточные индоевропейскіе языки. И въ пользу послѣдней альтернативы, кажется, говорить еще и то обстоятельство, что вмѣсто теперешняго славянскаго *о* мы находимъ *а* въ греческихъ (ср. Kretschmer AfsI Ph. XXVII, 228 слл.) и финскихъ (ср. ВВ. XX, 147 сл.) заимствованіяхъ изъ славянскихъ языковъ. Возражаютъ, правда, что финское и греческое *о* произносились болѣе закрыто, чѣмъ славянское *о*, и что только поэтому слав. открытое *о* финнами и греками передавалось черезъ *а* (*а* не *о*). Но *о*, хотя бы закрытое, кажется, по крайней мѣрѣ столь же близко къ открытому *о* ²⁾, какъ гласный *а*; и что во время заимствованія финское *о* было закрыто, этого мы даже не знаемъ. Поэтому теперь начинаетъ распространяться мнѣніе, что иде. *а* и *о* совпали въ слав.-балт. *а*, которое въ балтійскихъ языкахъ сохранилось, въ славянскихъ же перешло въ *о*, ср. Mahlow, Die langen Vocale AEO. 2, Kretschmer AfsI Ph. XXVII, 228 слл., Charpentier I, с. XXIX, 1, van Wijk PBrB. XXVIII, 250¹, Meillet, Introduction² 380 и мою замѣтку въ Сборн. статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову, 557. Если же другіе механически возводятъ слав. *о* и балт. *а* къ славяно-балтійскому *â* (или *а^о*), то это само по себѣ вполне возможно и также не можетъ быть опровергнуто. Это ихъ мнѣніе однако нисколько не обязательно: какъ изъ иде. *а* съ теченіемъ времени могло развиваться слав. *о*, такъ же и изъ «славяно-балтійскаго» *а* могло получиться это же *о*. И арійское, германское и албанское *а* изъ иде. *о* говорить не въ пользу такого «славяно-балтійскаго» *â*.

¹⁾ Если Фасмеръ KZ. XLI, 161 находитъ, что старое ученіе вѣроятнѣе, потому что оно «проще», то при этомъ онъ не считается съ балтійскими языками, ссылаясь на Бругмана Grdr. I², 146, который самъ однако KVG. 75 болѣе не высказывается въ прежнемъ смыслѣ.

²⁾ Фасмеръ, отстаивая старую теорію, все-таки признаетъ KZ. XLI, 160¹, что слав. *о* «dem germ.-lat.-griech. *а* näher stand als dem *о*». Если же это такъ, то это слав. «*о*», кажется, скорѣе гласный типа *а*, чѣмъ типа *о*.

Старое различіе въ развитіи иде. *-dd(h)-* между славянскими и балтійскими языками устанавливаетъ Педерсенъ JF. XXVI, 293, утверждая, что изъ иде. *-dd(h)-* получается въ славянскихъ языкахъ *-z-*, въ балтійскихъ же *-zd-*. А до него полагали, что также въ славянскомъ иде. *-dd(h)-* давало *-zd-*, и я думаю, что и впредь можно спокойно придерживаться этого стараго взгляда. Прежде всего врядъ ли правильно полагать съ Педерсеномъ, что въ славянскихъ языкахъ мы вовсе не находимъ *-zd-* изъ иде. *-dd(h)-*: какъ же иначе намъ объяснить *-zd-* въ ч. *hyzditi* (при малор. *иді*; Walde KZ. XXXIV, 509), црксл. *грудити* (при *груда*, ср. Walde KZ. XXXIV, 509) и въ р. *гроздъ* и *гроздить*¹⁾ при *громада*? Главнымъ же примѣромъ для слав. *-z-* изъ иде. *-dd(h)-* у Педерсена является црксл. *пазуха*, которое онъ разлагаетъ на **над-духа*. Но для этого слова возможно и другое объясненіе. Можно допустить, что существовали рядомъ однозначачія **ра-духа* (ср. лат. *raduse*) и форма, соотвѣтствовавшая литовскому *ražastis*, и что затѣмъ путемъ контаминации обѣихъ формъ возникло *разиха* (какъ въ восточно-латышскихъ говорахъ *razise* путемъ смѣшенія однозначачиыхъ формъ *raduse* и заимствованнаго *ražika*) и далѣе *razduха* смѣшеніемъ формъ *разиха* и **радуха*. Далѣе Педерсенъ, вслѣдъ за Jokl'емъ, сопоставляетъ р. *глазъ* съ црксл. *гладити* и црксл. *блани* съ црксл. *бладъ*, подчеркивая, что это дѣлается «mit vollem Recht», но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляя, что должно иначе формулировать²⁾ «законъ» Jokl'я. Утрата носового согласнаго передъ свистящимъ, можетъ быть, имѣла въ славянскомъ мѣсто послѣ вторично возникшей долготы, въ пользу чего говорилъ бы староч. l. pl. *polás* (Brugmann Grdr. II², 2, 250¹), *если возникновеніе этой формы не обусловлено вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ dat., instr. pl., ср. Brugmann Grdr. I², 387 и 783. Что же до «закона» Jokl'я, то всю невѣро-

¹⁾ На послѣдній примѣръ мнѣ указалъ мой бывшій коллега, проф. Гр. А. Ильинскій.

²⁾ Эта новая формулировка сообщается JF. XXVII, 324: *n* исчезаетъ въ праславянскомъ между долгимъ гласнымъ и *s, z*. Но это уже мало похоже на гипотезу Jokl'я и предполагалось еще и раньше другими языковѣдами, ср. Zubatý AfslPh. XV, 498.

ятность его надлежащимъ образомъ уже освѣтилъ Брюкнеръ JF. XXIII, 207 слл. Поэтому неудивительно, что изъ языковѣдовъ въ пользу этой гипотезы Jokl'я пока высказался, насколько я знаю, только Педерсенъ, признавая однако ее только въ другой формулировкѣ. Слова же *глазъ* и *блaзнь* допускаютъ и другія объясненія. Относительно *глазъ* ср. словарь Бернекера 301 (можно прибавить, что родственныя формы, корневой гласный которыхъ, подобно славянскому *a*, восходить къ иде. *ō*, сохранились и въ литовскомъ языкѣ, см. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XV, 2, 220). Менѣе убѣдительно пока объясняется *блaзнь* (ср. словарь Бернекера 59); этимологія же, предлагаемая Педерсеномъ, и сама по себѣ не очень соблазнительна (приходится выводить *-zn-* изъ иде. *-dhtn-*, что пока не подтверждается другими примѣрами славянскихъ языковъ; и также въ родственныхъ языкахъ, насколько я вижу, получается *-ddh-* изъ *-dht-* только передъ гласными), и ей противорѣчатъ вышеупомянутыя р. *промоздъ*, прксл. *пруздиѣ* и ч. *hyzditi*. А что въ р. *(на)слузъ*, рядомъ съ *(на)слудъ*, *-з-* восходить къ *-dd(h)-*, это невѣроятно еще и потому, что эти слова, кажется, произведены отъ того же корня, который мы находимъ въ прксл. (сербск. изв.) *хлуати* и р. *хлынуть* (если тутъ *x-* изъ иде. *s-*; при иде. *sre-* могло существовать *sle-*); а если это такъ, то *-d-* въ словѣ *(на)слудъ* входитъ въ составъ суффикса, а не корня¹⁾, такъ что *-з-* въ *(на)слузъ* или восходить къ иде. *ǵ(h)*, или же возникло (взаимнѣнъ *-d-*) подъ вліяніемъ какого-нибудь другого слова, ср. наприм. прксл. *слузъ* «pituita». Далѣе Педерсенъ сопоставляетъ словинск. *lâz* съ однозначимымъ р. *лaд(ин)a*, а возможность этого сопоставленія всецѣло зависитъ отъ правильности гипотезы Jokl'я. А что до префикса *раз-*, то даже въ томъ случаѣ, если оно дѣйствительно родственно съ лит. *ardyti* «пороть», его вѣроятно стоитъ въ связи съ *-з* въ *без*, *из*, *вз* (ср. также Mikola, Baltisches u. Slavisches 36 сл.). Наконецъ, Педерсенъ въ пользу своей гипотезы приводитъ

¹⁾ Миклошичъ же въ своемъ этимологическомъ словарѣ (стр. 308) сопоставляетъ р. *наслудъ* съ прксл. *слуды* «locus praeruptus», которое однако по своему значенію слишкомъ расходится съ русскимъ словомъ и можетъ быть родственно скорѣе съ лат. *sl'aubums* «отлогость».

нѣсколько славянскихъ словъ съ *z*, которому въ литовскомъ будто бы соотвѣтствуетъ *zd*: прасл. *лоза*: лит. *lazdà* «палка»; праслав. **bъrъzъ*: лит. *burzdùs* «подвижной»; р. *празнѣть, прызѣть*: лит. *gram-zdinti* «погружать» (относительно послѣдняго слова ср. однако словарь Бернекера 350 и относительно **bъrъzъ* этимологию Ильинскаго РФВ. LXIII, 322 слл., указывающаго на праслав. **bъrъzъ* при **bъrъzъ!*). При этомъ Педерсенъ вовсе не считается съ мнѣніемъ Бругмана Grdr. I², 569, по которому въ литовскомъ языкѣ изъ *-žd-* (кромѣ положенія послѣ *g*) получается *-zd-*. Если до сихъ поръ обращали мало вниманія на это мнѣніе Бругмана, то это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что приведенные имъ примѣры не очень убѣдительны. Бругманъ приводитъ въ пользу своей теоріи только лит. *gramzdýti* «погружать» (но *z* въ немъ и соотвѣтствующемъ ему славянскомъ словѣ можно было бы съ Бернекеромъ выводить изъ иде. *s*), *lazdà* и *lįzdas* «гнѣздо» (: пр. *lasint* «класть», *listis* «ложе»). Но вмѣсто пр. *listis* теперь читаютъ *liscis* (ср. Trautmann Apr. Spr. 371; считать это слово заимствованнымъ изъ п. *ležysko* трудно въ виду лат. **lįzgs* ВВ. XXIX, 188 и большого формальнаго различія между пр. *liscis* и п. *ležysko*), а пр. *lasi-*, можетъ быть, дѣйстви-тельно заимствовано изъ п. *ložyć*. И такъ какъ лит. *lįzdas*, каково бы ни было происхожденіе его начальнаго *l-* (ср. Lidén JF. XVIII, 488¹), по всей вѣроятности стоитъ въ связи съ иде. **nisdos* и рядомъ съ нимъ мы находимъ лат. **lįzgs* ¹), то не подлежитъ сомнѣнію, что *-z-* въ немъ въ положеніи передъ звонкимъ согласнымъ восходитъ къ иде. *s*. Таково же могло бы быть происхожденіе *-z-* также въ лит. *lazdà* «палка, орѣшина» (лат. *lazda*, *lazds*, *lęzds*, *lagzda*, *lagzds*, *lęgzda*, *lęgzds* ²) «орѣшина», пр. *laxde* «орѣшина»). И непременно *-z-* тутъ восходило бы къ иде. *-s-*, если дѣйстви-тельно рядомъ имѣется лат. *lešu* (съ *š* вѣроятно изъ иде. *sj*) *kudōks* (съ тѣмъ же значеніемъ), какъ это читаемъ въ словарѣ Ульмана,

¹) Форма *lįzds* (или *lįgzda*), можетъ быть, получилась изъ **lįzgd(a)s*, возникшаго путемъ смѣшенія формъ **lįzdas* и **lįzgas*, ср. наприм. лит. *mėksti* «вязать» изъ **mezgti*.

²) Сочетаніе *-gzd-*, можетъ быть, восходитъ къ *-zgd-*, получившемуся путемъ смѣшенія *-zd-* и **-zg-*, съ которымъ ср. р. *роза*; ср. Kirste AfsI Ph. XII, 309.

или если дѣйствительно съ этими балтійскими словами родственно ¹⁾ арм. *last* «плоть, лодка», *lasteni* «ольха» (латышское *ē* могло бы тутъ восходить къ старому *a*, ср. *šk'ēvas* выше на стр. 86), ср. Lidén JF. XVIII, 487 слл., Lewy KZ. XL, 422¹. Въ такомъ случаѣ слово *lozá* было бы родственно съ *lazdà* лишь при томъ условіи, если бы его *z* получилось изъ иде. *s*, о чемъ ср. выше стр. 75 сл. Но есть возможность возводить его къ иде. *ġ(h)*, ср. Штрекель AfslPh. XXVII, 52 слл. и Lidén JF. XVIII, 488. Примѣры, приведенные Бругманомъ, какъ видно изъ предыдущаго, не могутъ доказать литовскаго перехода *-žd-* въ *-zd-*. Но есть нѣсколько другихъ литовскихъ словъ, которыя скорѣе могли бы доказать такой переходъ. Наиболѣе убѣдительными являются *laizdýti* (при *laižýti* «лизать») «пышать (о пламени), пылатъ» или (по Куршату, ссылающемуся на Нессельмана) «lecken» (von der Flamme; ср. у Куршата: *liepsnà laizdo prō stōgā* «die Flamme leckt zum Dache heraus»; *ugnīs sulaizdo vandent* «die Flamme verzehrt das Wasser») съ *z* не только у Нессельмана, но также у Виллента (Lit. u. lett. Drucke III, 92, 9) и Даукши (Post. 51, 10; 112, 5; 117, 7; 313, 4; 358, 7 и др.; встрѣчающееся рядомъ съ *z*—*ž*, наприм. 331, 21; 361, 29; 363, 3, или опечатка, ср. наприм. *weįždekime* 149, 7; *teveįzd'* 143, 34; *pawáįzda* 140, 2; *maįgáo* 150, 4; *weįždi* Katech. 24, 27,— *meįzdamas* 47, 31, или вызвано вліяніемъ глагола *laižýti*), и *vėzdas* «дубина» Лхр. 333, 18; 378, 40, Даукша Post. 205, 23, Willent Lit. u. lett. Drucke. III, 163, 2, словарь Юшкевича подъ *irandū'ti*, *inagis* и др. (ср. также Leskien Bild. d. Nom. 166), рядомъ съ лат. *vēzda*, *vēza* «дубина», *vėzināt* «колотить», *atvėzētiēs* «die Hand zum Schlagen aufheben», *izvėztiēs* «den Unterleib vorstrecken», ав. *vazra* «палица», скр. *vájra-s* «перунъ». Далѣе мы въ словарь Куршата находимъ въ скобкахъ *grįždo rātas* «большая медвѣдица», но по письменному мнѣ сообщенному мнѣнію К. К. Буги это—ошибочное

¹⁾ Meyer, Etym. Wrtb. d. alban. Spr. 234, сопоставляетъ съ ними также алб. *l'aiđi* «орѣшина», возводя его черезъ *l'akđi* къ основѣ *laks-*, чего я не могу провѣрить; если это такъ, то такое *laks-* могло бы быть родственно съ *lazdà* лишь въ томъ случаѣ, если его *-ks-* получилось путемъ перестановки изъ *-sk-* (до измѣненія сочетанія *-sk-* по направленію къ *h*) или изъ *-zg(h)-*.

чтение вмѣсто *grīžalo r.*, ср. словарь Юшкевича подъ *grīžóratas*. Простая же опечатка по всей вѣроятности *izdas* «ein noch verborgener Schatz» (у Куршата въ скобкахъ), ср. у Шпривда *izdas* (Lit. u. lett. Drucke IV, 21, 5; 145, 3). Скорѣе еще можно сослаться на *graznà* (у Юшкевича подъ *grāžnà*) «краса» и *grāžnas* (тамъ же подъ *grāžnas*) «прекрасный» (если это не заимствование изъ лат. *grazns*), гдѣ *-z-* можетъ восходить къ *-zd-*, рядомъ съ *grāžūs* «красивый»; *kūžoti* «итти» (у Юшкевича подъ *cīti* и *dujū'ti* и у Ивинскаго, по сообщенію К. К. Буги, которому я обязанъ значительною частью матерьяла по этому вопросу) рядомъ съ лат. *kužīnūtiēs* «sich schwerfällig bewegen»; *kūždēti* «дрожать (отъ холода)» у Куршата; Беценбергера Lit. Forsch. 131 и въ Хвейданскомъ говорѣ рядомъ съ *kušēti* и лат. *kužīnūt* «sich regen» (но возможно, что правъ К. К. Буга, сопоставляющій *kūždēti* съ однозначашимъ нижнен. *hudern* у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 92); *grūzdinti* (у Юшкевича подъ *grāužinti*)=*grūžinti* «давать грызть, выпасать» (въ однозначашемъ *grāuždinti* *ž* можетъ быть восстановлено изъ *grāužti* «грызть»); *glūmzdyt'* «мять» (изъ Вилкомир. говора у Юшкевича) рядомъ съ однозначашимъ *glāmžyti*; *gleiznōti* «пачкать, марать», *gleizavōti* «обмазывать» рядомъ съ *gleižioti* «мазать», *gleižūs* «покрытый слизью» (но, какъ мнѣ указываетъ К. К. Буга, можно думать также о родствѣ съ *glāistyti* «помазывать» и средне-врхн. *klister*); *aržēti* Ю. «шумѣть, кричать» рядомъ съ однозначашимъ *aržōti* у Беценбергера Lit. Forsch. 97; *grūzdis* К. «wer oder was klein und verkümmert ist» рядомъ съ *grūžas* Ю. «огрызанный, короткій». Есть, правда, и литовскія слова съ *-žd-*. Какъ замѣтилъ уже Бругманъ I. с., *-žd-* правильно сохраняется послѣ *g*. И не только старое *-žd-* сохраняется въ этомъ положеніи, но подобно переходу *s* послѣ *k* въ *š* также *z* изъ *s* (передъ *d*) переходитъ въ *ž* въ положеніи послѣ *g*¹⁾, ср. наприм. *žiegždras* или *žigždras* у Ю. подъ

¹⁾ Послѣ *r* однако мы находимъ не *ž(d)*, но *z(d)*, ср. наприм *barzdà* «борода», *burzdēti* «шевелиться», *ėrzinti* «дразнить», *žviřzdai* «дресва» у Буги Aist. Stud. I, 165 (рядомъ съ однозначашимъ *žviřgždai* и возникшимъ путемъ контаминаціи обѣихъ формъ *žvirždai* наприм. у Шпривда, см. Lit. u. lett. Drucke IV, стр. XII). Въ *garždas* у Межиниса *ž*, можетъ быть, обусловлено вліяніемъ

išpustýti (со вставнымъ *g*) «крупный песокъ» (у Межиниса и Лалиса) рядомъ съ *žīēzdros* или *žīzdrā* въ Янишкахъ и средне-врхн. *kis* (въ *žīēgzdros* же *g* можетъ быть вставлено послѣ перехода *gzd* въ *gžd*, или же оно возникло смѣшеніемъ формъ *žiegždras* и *žīēzdros*); *užgrāgždina* (со вставнымъ *g*) «запретила» у Юшкевича подѣ *gérti*, на что мнѣ указалъ К. К. Буга (= *ažūgrēsē* въ Дусятахъ). Тутъ я приведу еще и *žvaigždē* «звѣзда» при *žvaizdē* и *žvaigzdē*, относительно котораго см. выше *žīēgzdros* (лит. *žvaig-*, лат. *zvaigzne*, которое можетъ восходить къ **zvaigzdnē*, и пр. а. s. *swaigstan* «Schein» указываютъ на прабалтійское *žvaig-*, которое мы находимъ еще и въ лат. *zvaigal'a* «Kuh mit weissem Sterne auf der Stirn» и инфл. п. pl. *zvaidžēnīs* «звѣздочки» *Zbiór wiadomości* XVIII, 350. Что до отношенія этого *žvaig-* къ праславянскому *gvēz-* въ **gvēzda*, то я съ Бернекеромъ считаю возможнымъ думать о перестановкѣ, причемъ латышскій варіантъ этого корня безъ *v* въ *zaiņotiēs* «сіять» говорить, можетъ быть, въ пользу перестановки на славянской почвѣ, ср. также еще лат. *zviņul'uot* «сіять». Лит. же *žvaizdē* и лат. i. pl. *zvaiznims* въ Евангеліяхъ 1615 г., стр. 2b, и *zvaižņuot* «mit Sternen besetzen» или произведены отъ корневого варіанта иде. *g(h)uoig(h)-*, или же скорѣе утратили свое *g* вслѣдствіе колебанія между формами вродѣ лит. *žviīgždai*, лат. *lagzda* и формами вродѣ лит. *žviīzda*, лат. *lazda*). Тамъ, гдѣ мы еще находимъ *zd* послѣ *g*, это *g* можетъ быть вставлено уже послѣ перехода *gzd* въ *gžd*: *mėgzdyti* «дразнить» у Межиниса (ср. однозначнее лат. *mēdit*). Какъ *š* (изъ иде. *s*) изъ положенія послѣ *k* иногда переносится также въ положеніе послѣ губныхъ (см. выше стр. 36), такъ и *ž(d)* мы находимъ и послѣ *b*: *k(r)ībždēti* «кишѣть», *krebždēti* или *šnabždēti* «leise rascheln», *šnibždēti* «шептать на ухо», *vebždēti* «кишѣть» и др., ср. напр. *gvogždēti* «щекотать», *gvagždēti*

слова *gaigždas* Ю. «дресва» или (въ Шавляхъ) «шлакъ». Съ *berždžnē* «телка» ср. *bergždīnē* Ю. или *berždžīa* «яловая», гдѣ *ž* могло развиться изъ *z* передъ *dž*, какъ и въ п. pl. (*žirniai*) *berždī* «зрѣлые» (въ Поневѣжскомъ уѣздѣ), если п. s. къ нему **berždžias*, ср. также (*žirniai*) *pabeigžde* «arti piovimo» въ Вилкомирскомъ у. и *javai beršt(a)* «das Getreide fängt an weiss zu werden, zu reifen». Не ясно для меня *ž* только въ *gerždōkle* «chaerophyllum silvestre» у Беценбергера Lit. Forsch. 113.

«худѣть», *gvargždėti* «хрипѣть», *gurgždėti* «хрустѣть», *girgždėti* «скрипѣть», *kugždėti* «шептать на ухо» около Тельшъ (рядомъ съ *kuzdėti* у Нессельмана и контаминаціоннымъ *kuždėti*, наприм. во Владиславовскомъ уѣздѣ, и *kuštėti*) и др. Это же *-ždėti* мы находимъ также послѣ *m* въ *grumždėti* «ѣсть съ хрустомъ». Въ *gramždė* «пескарь» (у Нессельмана) *ž*, можетъ быть, опечатка вмѣсто *z*, ср. однозначашее *gruimždis* у Буги Aist. Stud. I, 184; въ *grémždu* «скребу» *ž* можетъ быть обусловлено вліяніемъ однозначашаго *grémžim*, какъ и въ *gleimšti* Ю. (III л. прош. вр. *gleimždė*) вліяніемъ *gleimšti* «сгребать». Въ *prieždà* Лхр. 359, 22 «шестокъ» между *ž* и *d* утраченъ гласный, какъ показываетъ *pryžeda* «Backofenloch» у Куршата. Остается еще совершенно неясное для меня *leiždinti*¹⁾ «ein Haus abbinden» (у Куршата въ скобкахъ), *graždas* «дресва» (у К. въ скобкахъ; съ *ž* подъ вліяніемъ однозначашаго *gaigždas?* или изъ **gragždas*, какъ полагаетъ Буга Aist. Stud. I, 135, ср. выше замѣтку о *žraizdė*) и *keimšti* «коченѣть» (наст. вр. *kemštù*, прош. вр. *kemždaũ*) въ Хвейданахъ и Ретовѣ (рядомъ, можетъ быть, существовали формы съ *kemž-* не передъ *d*). Совершенно же естественно, что предлоги *už* и *iš* въ сложныхъ словахъ сохраняютъ *ž* передъ *d*, и что *ž* сохраняется въ концѣ глагольныхъ корней въ образованіяхъ на *-davaũ*, *-dinũ*, *-damas*. Въ виду всего этого я склоненъ думать, что Бругманъ былъ правъ въ своемъ предположеніи о переходѣ литовскаго *žd* (не послѣ *g*) въ *zd*, хотя такой фонетическій процессъ самъ по себѣ для меня неясенъ (*š* передъ *t* сохраняется!). Если же это такъ, то естественнѣе возводить *z* въ лит. *gramzdūti* и соотвѣтствующемъ ему славянскомъ словѣ къ иде. *ǵ(h)*, ср. словарь Бернекера полъ *gręznq*. Гипотеза же Педерсена о возникновеніи слав. *z* въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ *dd(h)* лишилась бы въ такомъ случаѣ и послѣдней своей опоры.

Старое, вѣроятно, различіе имѣлось бы между славянскими и балтійскими языками въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно балтійскому *k* соотвѣтствовало въ славянскомъ не только *k*, но и *x*,

¹⁾ Оно напоминаетъ наприм. *veždinũ* отъ *vežũ* «везу»; по мнѣнію К. К. Буги *leiždinti* опечатка вмѣсто **leiždinti* отъ *leidžim*.

т. е., если бы слав. *x* восходило не только къ иде. *s*, но и къ иде. *kh*, какъ полагаетъ Педерсенъ JF. V, 50 сл., KZ. XXXVIII, 391 слл. и XL, 173 слл., къ которому присоединяются Meillet MSL. IX, 153, Études sur l'étymologie 174, Introduction² 62, и Berneker (ср. его словарь подъ *choldo*), тогда какъ Uhlenbeck JF. XVII, 93 слл. высказался противъ этого. Педерсенъ самъ, правда, считаетъ KZ. XXXVIII, 391 возможнымъ предположить «ein urbaltisch-slawisches» *x*, сохранившееся въ славянскомъ, на балтійской же почвѣ перешедшее въ *k*; и опровергнуть я не могу этого предположенія. Но оно высказано только въ угоду теоріи о славяно-балтійскомъ праязыкѣ, а эта теорія сама еще не доказана. И если вспомнимъ, что въ исторіи индоевропейскихъ языковъ преобладаетъ тенденція къ замѣнѣ затворныхъ согласныхъ фрикативными, то упомянутое предположеніе Педерсена о переходѣ прабалтійскаго спиранта *x* въ затворный *k* покажется маловѣроятнымъ. Что же до гипотезы о переходѣ иде. *kh* въ праслав. *x*, то а priori она, правда, не очень убѣдительна, но все-таки вполне возможна. Что изъ *kh* получается *x*, тогда какъ на мѣстѣ *th* и *ph* мы находимъ *t* и *p*, это было бы понятно: стоило бы только предположить, какъ указалъ Педерсенъ, что *x* возникло изъ *kh* еще до перехода *th*, *ph* въ *t*, *p*. Въдь изъ задненебныхъ затворныхъ, на что тоже самъ Педерсенъ обратилъ вниманіе, легче развиваются спиранты, чѣмъ изъ зубныхъ и губныхъ затворныхъ, какъ показываютъ приведенныя Педерсеномъ параллели изъ армянскаго (*ph*, *th* рядомъ съ *x* изъ *kh*), малорусскаго и чешскаго (*b*, *d* рядомъ съ звонкимъ *h* изъ *g*) и другихъ языковъ. Но при *x* изъ *kh* мы ожидали бы также *γ* изъ *gh*, тѣмъ болѣе, что звонкіе затворные обыкновенно производятся съ меньшею силою, чѣмъ глухіе затворные, такъ что *γ* изъ *gh* даже легче могло бы получиться, чѣмъ *x* изъ *kh* (ср. чешск. *h* изъ *g* при *k*!). Пришлось бы, значитъ, далѣе предположить, что на славянской почвѣ mediae aspiratae утратили свое придыханіе уже раньше, такъ что въ извѣстную эпоху существовали одновременно *g*, *d*, *b* (изъ иде. *gh*, *dh*, *bh*) и *kh*, *th*, *ph*, а это было бы нѣсколько странно. Но спѣшу тутъ же оговориться, что невозможнымъ это не можетъ считаться, такъ какъ нѣчто тому подобное мы находимъ

въ армянскомъ, гдѣ рядомъ съ *ph, th, x* мы находимъ (изъ иде. *bh, dh, gh*) *b, d, g* или же, какъ не безъ основанія полагаетъ Педерсенъ KZ. XXXIX, 337, *bh, dh, gh*. Разница только въ томъ, что въ армянскомъ *mediae aspiratae* не совпали съ *mediae*. Можно было бы тутъ еще сослаться и на иранскіе языки, гдѣ *tenues aspiratae* перешли въ глухіе спиранты, между тѣмъ какъ *mediae aspiratae*, по господствующему мнѣнію, утративъ свое придыханіе, совпали съ *mediae* въ *b, d, g*. Но что это дѣйствительно такъ было, не можетъ быть доказано. Не исключена возможность, что одновременно съ *tenues aspiratae* также *mediae aspiratae* (а потомъ и *mediae*) перешли въ спиранты, послѣ чего изъ звонкихъ спирантовъ при извѣстныхъ условіяхъ въ отдѣльныхъ иранскихъ говорахъ развиваются звонкіе затворные. Это было бы очень похоже на развитіе звонкихъ прагерманскихъ спирантовъ въ отдѣльныхъ германскихъ языкахъ, гдѣ тоже и почти при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ иранскомъ, изъ звонкихъ спирантовъ получаются звонкіе затворные, ср. объ этомъ Brugmann Grdr. I² §§ 719—721, 792, 799, 806.—Но, спрашивается теперь, дѣйствительно ли, какъ принято думать, *tenues aspiratae* были свойственны *всѣмъ* говорамъ индоевропейскаго праязыка? Вѣдь при утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы съ большою увѣренностью могли бы искать слѣдовъ этихъ *tenues aspiratae* также въ славянскихъ языкахъ. А сомнѣваться въ правильности господствующаго мнѣнія прежде всего заставляютъ данныя греческаго языка. Извѣстно, что не *всѣмъ* арійскимъ и армянскимъ звукамъ, восходящимъ къ иде. *tenues aspiratae*, соотвѣтствуютъ въ греческомъ языкѣ *φ, θ, χ*: вмѣсто нихъ находимъ и *tenues*, по крайней мѣрѣ *τ* вмѣсто *θ*, какъ, наприм., въ *πάτος* при скр. *path-*, ав. *paθ(ā)-* «стеся», или *πλατύς* ¹⁾ при

¹⁾ Въ *πλαταγόν* «Kuchenbrett» *θ*, можетъ быть, восходить къ иде. *dh*, ср. Meillet, Les dialectes 81. Если Зубатый KZ. XXXI, 3 сл. сомнѣвается въ родствѣ *πλατύς* и лит. *platus* (которое относительно коренного гласнаго можетъ соотвѣтствовать скр. *práthīyas-* «шире») съ скр. *pr̥thū-*, то это сомнѣніе могло быть вызвано только предубѣжденіемъ, будто бы всякому скр. *th* непременно соотвѣтствуетъ гр. *θ*. А если Meillet l. с. 80 слл. склоненъ думать, что всякое иде. *th* фонетически перешло въ гр. *τ* (а не *θ*, которое будто бы восходить только къ звонкой *aspirata*), то это не совсѣмъ согласуется съ данными греческаго языка,

скр. *pṛthū-*, ав. *pərəθu-* «широкий», рядомъ съ *ōṣθa*: скр. *ve'ttha* «знаешь» и др., ср. Zubatý KZ. XXXI, 3 слл.; при этомъ развѣ только отчасти могутъ быть установлены опредѣленные условія для *τ* вмѣсто *θ*, какъ наглядно показываетъ только что упомянутая статья Зубатаго. Есть, правда, въ индоевропейскихъ языкахъ также случаи колебанія между *media aspirata* и *media*, но это колебаніе отличается отъ колебанія между *tenuis aspirata* и *tenuis* тѣмъ, что *mediae* вмѣсто *mediae aspiratae* встрѣчаются въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ и между прочимъ также въ санскритѣ (ср. наприм. Brugmann Grdr. I² § 704 и Wackernagel Ai. Gr. I, 129), тогда какъ *tenues* вмѣсто *tenues aspiratae* въ санскритѣ, кажется, не встрѣчаются (ср. Wackernagel l. c. I, 130), но только на западѣ отъ индусовъ, чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ больше. Изрѣдка вѣдь также въ иранскихъ языкахъ санскритской *tenuis aspirata* соответствуетъ *tenuis*, какъ въ ав. и древнеперс. *kan-*: скр. *khánati* «копаетъ» (слишкомъ проблематично объясняютъ это иранское *k* v. Fierlinger KZ. XXVII, 335 и Bartholomae Grdr. d. iran. Phil. I, 1 § 13). И гр. *φ*, *θ*, *χ* изъ иде. *ph*, *th*, *kh*, можетъ быть, еще нѣсколько рѣже, чѣмъ принято думать: есть вѣдь случаи колебанія между *tenuis aspirata* и *media aspirata* (ср. Brugmann Grdr. I², § 702), такъ что въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ гр. *φ*, *θ*, *χ* возводятъ къ иде. *ph*, *th*, *kh*, эти греческіе звуки могутъ восходить къ иде. *bh*, *dh*, *gh*, какъ, наприм., въ *γρόνθος* «кулакъ» (которое Бругманъ KVG. § 223 сопоставляетъ съ скр. *granthi-* «узелъ»; ср. однако этимологическій словарь Boisacq'a, стр. 156) или въ *κόρυς* «раковина» (по Бругману KVG. § 248 съ *χ* изъ иде. *kh*, какъ въ скр. *śankhá-s*; ср. однако Uhlenbeck JF. XIII, 217). Такого рода колебаніе между *tenues aspiratae* и *tenues* я могу понять только какъ отраженіе діалектической «волны» индоевропейскаго праязыка, имѣвшей исходную точку на крайнемъ востокѣ и осла-

и такое различіе въ развитіи между *th* и *ph*, *kh* само по себѣ, для меня по крайней мѣрѣ, было бы непонятно. По моему мнѣнію, только случайно мы не знаемъ совершенно безспорныхъ примѣровъ для гр. *τ*, *κ* изъ иде. *ph*, *kh*, такъ какъ эти звуки вообще встрѣчались сравнительно рѣдко.

бывавшей по направленію къ западу ¹⁾. Если это дѣйствительно такъ, то возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, распространились ли *tenues aspiratae* еще дальше греческой области на западъ? Рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ данныхъ латинскаго языка, такъ какъ въ кельтскихъ (какъ и въ славяно-балтійскихъ) языкахъ при совпаденіи *mediae aspiratae* съ *mediae* могло произойти и совпаденіе *ph, th, kh* съ *p, t, k*, въ германскихъ же языкахъ, гдѣ иде. *p, t, k* (можетъ быть, черезъ переходную ступень *ph, th, kh*) перешли въ соотвѣтствующіе глухіе спиранты, эти же звуки могли получиться и изъ иде. *ph, th, kh*. Въ италійскихъ же языкахъ, гдѣ (въ ихъ общемъ праязыкѣ) изъ *mediae aspiratae* получились *tenues aspiratae*, иде. *ph, th, kh* должны были, казалось бы, совпасть съ *bh, dh, gh*, если бы изъ индоевропейскаго праязыка вообще перешли *tenues aspiratae* въ италійскій праязыкъ (съ этой оговоркой я согласенъ съ Педерсеномъ KZ. XL, 178). Весь матеріалъ и литературу по этому вопросу излагаетъ Uhlenbeck JF. XIII, 213 слл., приходя къ заключенію, что въ италійскомъ *tenues aspiratae*, если таковыя вообще имѣлись въ индоевропейскомъ праязыкѣ, *впрямую* совпали съ *tenues*, лишившись своего придыханія. А такой осмотрительный языковѣдъ, каковъ Meillet (притомъ полагающій, что первоначально во всѣхъ индоевропейскихъ говорахъ имѣлись *tenues aspiratae*!), въ *Les dialectes* 80, и Walde въ своемъ этимологическомъ словарѣ вполне увѣрены въ совпаденіи на италійской почвѣ *ph, th, kh* съ *p, t, k*. Бругманъ же KVG. § 267 и Зоммеръ, *Handbuch* § 111 учатъ, что въ италійскомъ *tenues aspiratae* совпали съ *mediae aspiratae* въ *ph, th, kh*, причемъ Зоммеръ это дѣлаетъ съ оговоркою, что примѣры для иде. *ph, th, kh* въ италійскомъ «*äusserst spärlich sind*». А Педерсенъ KZ. XL, 178 съ завидной увѣ-

¹⁾ Противоположнаго этому взгляда держится Meillet (*Les dialectes* 78 слл.). полагая, что съ запада на востокъ двинулась «волна», ведущая къ совпаденію *tenues aspiratae* съ *tenues*. Но въ такомъ случаѣ я ожидаю бы совпаденія (въ тѣхъ же говорахъ) также *bh, dh, gh* съ *b, d, g*, тѣмъ болѣе, что вѣдь *tenues aspiratae* легче произносить, чѣмъ *mediae aspiratae*; ср. сохраненіе *ph, th* въ армянскомъ, тогда какъ *mediae aspiratae* тамъ утратили свое придыханіе, по крайней мѣрѣ, въ современныхъ восточно-армянскихъ говорахъ.

ренностью ¹⁾ считает даже за «absolut sicher», что въ италійскомъ *tenues aspiratae* совпадаютъ не съ *tenues*, но съ *mediae aspiratae*! Это съ перваго взгляда странное разногласіе объясняется тѣмъ, что рядомъ съ нѣсколькими безукоризненными примѣрами съ *p, t, k* (: *ph, th, kh* на востокѣ) вродѣ *pumex, rota, pons, cento, caedo* въ латинскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, которыя можно использовать въ пользу теоріи о совпаденіи *tenues aspiratae* съ *mediae aspiratae* въ *ph, th, kh*. Но Uhlenbeck въ упомянутой своей статьѣ и Walde въ своемъ словарѣ показываютъ, что доказательная сила послѣдняго рода примѣровъ нѣсколько сомнительна и значеніе ихъ двусмысленно. При такихъ данныхъ вообще признающіе праиталійское *ph, th, kh* изъ иде. *tenues aspiratae* должны съ Зоммеромъ признать, что примѣровъ для этихъ звуковъ въ латинскомъ крайне мало, значить, еще меньше, чѣмъ въ греческомъ. Но если моя гипотеза о распространеніи *tenues aspiratae* въ индоевропейскомъ праязыкѣ правильна, то скорѣе правы Meillet и Walde, по мнѣнію которыхъ восточно-индоевропейскимъ *ph, th, kh* въ латинскомъ соотвѣтствуютъ *p, t, k*. Увѣреніе же, что то или другое «absolut sicher», не имѣло бы, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, абсолютно никакого смысла. — Что же до албанскаго языка, то съ легкой руки Педерсена JF. V, 50 и въ немъ оказалось *h* изъ иде. *kh* въ *hā* «я ѣмъ»: скр. *khā'dāmi*. Родство этихъ словъ возможно, но, какъ уже указалъ G. Meyer въ своемъ этимологическомъ словарѣ, это албанское слово можетъ восходить къ индоевропейскому варианту съ «подвижнымъ» *s*, такъ какъ албанское *h* получается, между прочимъ, изъ иде. *sk(h)*. И если G. Meyer правильно сопоставляетъ (съ вопросительнымъ знакомъ) l. с. 88 алб. *ðekë* «Franse, Zipfel, Ader» (гдѣ *e* можетъ восходить къ иде. *ō*) съ скр. *śā'khā* «вѣтвь», то это доказало бы, что въ албанскомъ соотвѣтствуетъ *k* санскритскому *kh* (ср. еще и алб. *kat* «имѣю» у Мейера l. с. 171). Въ виду всего этого я считаю, по крайней мѣрѣ, возможнымъ, что *tenues aspiratae* существовали только въ восточныхъ говорахъ индоевропейскаго праязыка. Но, даже допустивъ, что это дѣйстви-

¹⁾ Послѣ того, что изложено выше на стр. 75, мы однако къ сожалѣнію не можемъ быть увѣрены въ прочности этого убѣжденія Педерсена.

тельно такъ было, позволительно далѣе думать, что также лингвистическіе предки славянъ знали *tenues aspiratae*, тѣмъ болѣе, что и въ развитіи индоевропейскаго *s* (послѣ *i, u, r, k*) славяне вѣроятно сходились съ арійцами, см. выше стр. 69 и сл.—Итакъ, послѣ этихъ апіорныхъ соображеній приходится признать, что рѣшеніе вопроса о славянскомъ *x* изъ иде. *kh* всецѣло зависитъ отъ качества этимологій, приведенныхъ въ пользу мнѣнія Педерсена. Къ ихъ разсмотрѣнію, значить, намъ теперь волей-неволей приходится перейти.

Главнымъ примѣромъ самъ Педерсенъ считаетъ прасл. **soxa*: скр. *śākhā*, арм. *thsax*, лит. *šakà* «вѣтвь» (лат. *Saka*¹⁾ «der linke Nebenarm der Dūna bei Holmhof», *sakas* или *sekumi* «навозныя вилы»), гот. *hōha* «плугъ». Это сопоставленіе дѣйствительно само по себѣ очень заманчиво, и я вполне согласился бы съ мнѣніемъ Педерсена, что одно это слово уже доказываетъ слав. *x* изъ иде. *kh*, если бы не было и другихъ этимологій для этого слова. А между тѣмъ Мерингеръ JF. XVII, 116 сл., указывая на др.-верхн. *seh* «плужный рѣзакъ», фр. *soc*, ново-ирл. *soc*, кимр. *swch* «сошникъ», полагаетъ, что прасл. **soxa* «Рѣсокъ» заимствовано изъ др.-врхн. **sacha*. Но Штрекель AfsI Ph. XXVIII, 493 и Педерсенъ KZ. XL, 177 сл. оспариваютъ это на томъ основаніи, что слово **sacha* не засвидѣтельствовано въ германскихъ языкахъ. Самъ же Штрекель, какъ и до него уже Zupitza German. Gutt. 138 и Uhlenbeck JF. XVII, 99, возводитъ *x* въ праслав. **soxa* къ *ks*, производя это слово, какъ и др.-врхн. *sahs* «ножъ», отъ глагольнаго корня, который имѣется въ црксл. *сѣкѣ* и латинск. *secare*, и полагая, что оно первоначально значило «das schneidende (Ackengerät); > Gabel(holz); Pfahl, Pflock», подтверждая возможность такого развитія значенія многими параллелями л. с. 489 сл. И что Штрекель въ этомъ неправъ, еще никѣмъ не доказано, да и едва ли можетъ быть доказано.

Не менѣе убѣдительнымъ въ пользу *x* изъ *kh*, чѣмъ *soxa*, Meillet, Les dialectes 80 сл., считаетъ праслав. *xoxotati*: скр. *ká-khati* «хохочеть», арм. *xaxankh* «хохотъ», гр. *χα(κ)ράζω* (относи-

¹⁾ Cp. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes 282.

тельно *ch* въ латинск. *cachinnare* ср. Sommer, Handbuch § 159). Педерсенъ же самъ не ссылается на это слово, вѣроятно не признавая за нимъ никакой доказательной силы въ данномъ вопросѣ. И въ самомъ дѣлѣ: въ виду сходныхъ формъ словинск. *hehetáti se*, р. *хихикать*, врхлуж. *khakhać*, др.-врхн. *kachazzen*, тур. *kahkaha* и др., приведенныхъ въ словарь Бернекера, я не могу не признать, что это звукоподражательное слово могло быть создано на славянской почвѣ послѣ того, какъ тамъ вообще возникъ звукъ *x* (изъ иде. *s*), тѣмъ болѣе, что въ этомъ словѣ мы находимъ довольно производительный суффиксъ, ср. Leskien, Gramm. d. altbulg. Spr. 84. А въ такомъ случаѣ оно ничего не доказываетъ въ пользу *x* изъ *kh*.

Праслав. **xlěbъ*: гот. *hlaiba-*, латинск. *libum*. Какъ лат. *klāips* безспорно заимствовано изъ германскихъ языковъ, такъ такимъ же заимствованіемъ можетъ быть и прасл. **xlěbъ*, какъ полагаетъ и Бернекеръ въ своемъ словарѣ, который принципиально признаетъ *x* изъ *kh* (у него указана и вся литература объ этомъ словѣ).

Р. *хлудъ*, црксл. *охладаниѣ* «negligentia» и (р. изв.) *охланѣти* «debilem fieri» по своему значенію слишкомъ расходятся съ скр. *kharḍa-* «кусокъ, часть», такъ что Бернекеръ съ полнымъ правомъ рѣшительно отвергаетъ эту этимологію, правдоподобнѣе сопоставляя эти славянскія слова съ нижнен. *sluntern* «nachlässig, schlaff sein».

Црксл. *млахаѣ*: гр. *βληχρός* «слабый». Но рядомъ съ *βληχρός* мы находимъ (дор.) *βλάξ*, г. с. *βλαχός* «мягкій, вялый, лѣнивый», такъ что естественнѣе возводить *χ* въ *βληχρός* къ *χσ* (передъ *ο*!). Кромѣ того представляется возможность сближать *βληχρός* съ р. *благой* и возводить его *χ* къ иде. *gh*, ср. словари Бернекера (стр. 58) и Boisacq'a (стр. 121 и 123).

Црксл. *хапати* или *хопити* «кусать», *охѣпати* «amplecti», ч. *choriti*, р. *хапать* и др.: арм. *harhanet* «препятствую». Но это армянское слово по своему значенію ничего общаго не имѣетъ съ только что приведенными славянскими словами, о которыхъ ср. словарь Бернекера 384 и 396.

Црксл. *хотѣти*, п. *cheć* и др.: арм. *xind* «радость», *xand* «страстное желаніе». Ср. однако словарь Бернекера 399, гдѣ это

славянское слово правдоподобно сопоставляется съ чрксл. *хвѣтити* и *хѣтити*, которыя и по формѣ и по значенію слишкомъ расходятся съ упомянутыми армянскими словами.

Чрксл. *спръ*, р. *спрый*, п. *szary*, ч. *šerý*: др.-исл. *hárr* «сѣдой», гр. *χοῖρος* «поросенокъ». По мнѣнію Педерсена одинъ этотъ примѣръ уже вполне убѣдительно доказываетъ, что слав. *х* можетъ восходить къ иде. *kh*. Можетъ быть, найдутся вѣрующіе въ это; я же пока сомнѣваюсь въ доказательной силѣ этого примѣра. Что проще всего было бы возводить всѣ эти формы къ праслав. **xěръ*, въ этомъ я съ Педерсеномъ согласенъ и считалъ бы это даже вполне возможнымъ¹⁾, если бы въ этомъ словѣ имѣлось *s* (а не *š*-) въ словацкихъ и тѣхъ моравскихъ говорахъ, которые въ юс. *s*. имѣютъ *-se* изъ праслав. *-xě*. Если бы тамъ дѣйствительно имѣлось *s*-, то праслав. **xěръ* могло бы, пожалуй, даже считаться доказаннымъ. Но мы вовсе не знаемъ далѣе, что *h*- въ др.-исл. *hárr* восходитъ къ иде. *kh*-, а не *k*-. Педерсенъ, правда, сопоставляетъ его съ гр. *χοῖρος*; родство названія поросенка съ названіемъ сѣраго цвѣта само по себѣ, пожалуй, возможно, но не можетъ считаться болѣе или менѣе убѣдительнымъ. И, что важнѣе всего, гр. *χ*- въ *χοῖρος* по всей вѣроятности восходитъ къ иде. *ǵh*-, такъ какъ предположенное Г. Мейеромъ родство его съ алб. *dēt* «свинья» (гдѣ *e* можетъ восходить къ иде. *oi*) слишкомъ убѣдительно. Напрасно это оспариваетъ Педерсенъ, нуждаясь въ доказательствѣ, что *h*- въ др.-исл. *hárr* восходитъ къ иде. *kh*-: въ алб. *dirk* (или *derk*) «поросенокъ» *i* можетъ восходить къ иде. *i* или *ei*, и если даже дѣйствительно *-t* въ *dēt* не восходитъ къ иде. *-ros*, то расширеніе на албанской почвѣ старой основы *ǵhoiro*- лишнимъ суффиксомъ еще не можетъ быть препятствіемъ для сопоставленія этого слова съ тождественнымъ по значенію и формѣ гр. *χοῖρος* (относительно алб. *-t* ср. впрочемъ *Pekmezi*, Gramm. d. alban. Spr. 25). Но даже

¹⁾ Этому противорѣчило бы п. *siëraç* «трясти», если бы былъ правъ Zupitza, возводя ВВ. XXV, 93 *siër*- этого слова къ праслав. *xěp*- изъ иде. *ksoip*-, сопоставляя его съ скр. *kšipāti* «бросаетъ». Но, даже признавая правильность этого сопоставленія, можно тутъ думать объ иде. колебаніи *ks* : *s*-, о которомъ ср. выше стр. 44 слл.

помимо гр. *χοῖρος* можно было бы возводить *x-* въ праслав. **xěръ* къ иде *kh-*, если такое слово существовало и если оно было родственно съ др.-исл. *hárr*. И если оно дѣйствительно существовало, то трудно было бы отрицать его связь съ др.-исл. *hárr*. А развѣ возможность заимствованія предполагаемаго праслав. **xěръ* изъ прагерм. **haira-z* совершенно исключена? Совершенно отрицать это было бы едва ли правильно въ виду безспорнаго заимствованія нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ названій цвѣтовъ, ср. наприм. словарь Бернекера подъ *alyj* и *brun* ¹⁾. Но мнѣ кажется, что можно тутъ обойтись и безъ праслав. **xěръ* (и исключена была бы мысль о такой праформѣ, если бы также словацкіе и всѣ моравскіе говоры имѣли ²⁾ въ этомъ словѣ *š-*). Я при этомъ руководствуюсь правиломъ, преподаннымъ самимъ Педерсеномъ одному изъ его бывшихъ слушателей, «dass man immer zunächst den engeren kreis von sprachen zu vergleichen habe, ehe man sich an fernerliegende vergleichungen wagt», KZ. XL, 177. Славянскіе языки вѣдь безспорно ближе родственны съ балтійскими, нежели съ германскими языками, и поэтому естественнѣе сближать прксл. *спръ* и пр. съ лит. *šėmas* ³⁾ «aschgrau, blaugrau», гдѣ *še-* восходитъ къ иде. *kē-* или *kĭē-*, и далѣе съ скр. *śyāmá-s* «dunkelfarbig», *śyāvā-s* «schwarzbraun», *śārd-s* «bunt, scheckig», ав. *sāma-* «schwarz»; ср. наконецъ и прксл. *спдъ*, р. *спдой*, п. *szadawy, szedziwy*, ч. *šedý* и прксл. *сивъ* и р. *сизый*. Всѣ эти формы указываютъ на иде. *kĭē-* (при *kē-*): *kĭ-*. Какъ въ санскритѣ мы находимъ *śyā-* рядомъ съ *śā-*, такъ и въ праславянскихъ говорахъ могли рядомъ существовать *sě-* (въ прксл. *спръ*, *спдъ*, р. *спрый*, *спдой* и др.) и *šĭē-* > *ša-*, и западнославянскія формы вродѣ ч. *šerý*, *šedý* могли легко возникнуть путемъ контаминаціи однозначащихъ *sě-* и *ša-*. Возможно

¹⁾ Ср. Meillet. Études 403, Brugmann Grdr. II², 1, 349 и Walde, Lat. et. Wrthb.² 109.

²⁾ Судя по имѣющимся въ моемъ распоряженіи источникамъ дѣло дѣйствительно такъ обстоитъ: Бартошъ въ своемъ Dialektický slovník moravský приводитъ только формы съ *š-* (*šeřat sa* «býti šerým», *šedat sa* «býti šedým» и др.), и такъ же Мичатекъ въ Slovensko-ruský slovník даетъ *š-* въ *šarý* «темный», *šedivec* «сѣдой человекъ» и *šerý* «сѣрый».

³⁾ Такова интонація этого слова по сообщенію К. К. Буги.

также, что когда-то въ чешскомъ стояли рядомъ *šadý (или *šarý) и *sěry (или *sědý); тогда тоже легко было смѣшеніе этихъ параллельныхъ формъ въ šerý и šedý.

Праслав. *xolpъ, *xolkъ < *xolpkъ (sic!), *xolstъ < *xolpstъ: гот. *halbs* «половинный». Принимая эту предложенную Педерсеномъ этимологію, мы рискнули бы очутиться въ неловкомъ положеніи, такъ какъ самъ Педерсенъ могъ бы въ послѣдствіи отъ нея отказаться, какъ онъ уже отказался отъ своей этимологіи для *xolkъ и *xolstъ, предложенной имъ JF. V, 64. По соображеніямъ формальнаго (*xolpkъ!) и семасіологическаго (*xolpъ: *halbs*!) характера теперешнее мнѣніе Педерсена о происхожденіи этихъ славянскихъ словъ было бы слишкомъ сомнительно даже въ томъ случаѣ, если бы *x* изъ *kh* было доказано. Ср. о нихъ словарь Бернекера, относящагося къ толкованію Педерсена отрицательно. Кромѣ того, *h* въ гот. *halbs*, можетъ быть, восходить къ иде. *k*, ср. съ гот. *halba* «половина, сторона» лит. *šalis* «сторона».

(«Vielleicht») р. *xвой*: лит. *skujos* («denn eine alternation *ks*: *sk* ist nicht wahrscheinlich», KZ. XXXVIII, 394). Но относительно чередованія *ks*: *sk* ср. выше стр. 43 сл., гдѣ дается нѣсколько примѣровъ для него.

Р. *хрящъ*: лит. *kremslė*. Какъ это литовское слово произведено отъ *kremtū* «грызу», такъ *хрящъ* стоитъ въ связи съ *хрястѣть*, *хрястать*, *хрясть*, и встрѣчающееся рядомъ съ *хрясть* слово *хряскъ* показываетъ, что *ст* въ этихъ словахъ восходить не къ *-tt-*, но къ *-st-*. И рядомъ съ праслав. **xręstati* и **xrǫstati* мы находимъ сербо-хрв. *hřstati* съ *hř-* изъ прасл. *xrъ-* или *xrǫ-*, такъ что въ **xręstati* и **xrǫstati* вѣроятно заключается носовой инфиксъ, каковымъ служило *n*, а не *m*, между тѣмъ какъ въ балтійскомъ словѣ мы тутъ находимъ *m*. Можно, значить, согласиться съ Бернекеромъ, оспаривающимъ правильность этого сопоставленія. Кромѣ того, въ виду родственныхъ съ этими славянскими словами малор. *хряц* и словинск. *hrěšč* «дресва» я считаю возможнымъ сближать лит. *kremtū* съ (лит. *krāmas* «парша» въ Хвейданахъ и) лат. *krams*, которое очевидно родственно съ тождественнымъ по значенію рус. *кремень*.

Прексл. *плъшь*, ч. *plchý* и др.: лит. *plikas*, лат. *plik*s «голый», лит. *plikė* «плѣшь» (Meillet, *Études* 174, *Les dialectes* 81). Считать балтійское слово заимствованнымъ, къ чему склоняется еще Uhlenbeck PBrV. XXX, 289 сл. и JF. XVII, 176, кажется, невозможно, какъ по причинѣ, указанной Лескиномъ Bild. d. Nom. 182, такъ и въ виду вокализма лит. *pleikė* въ Тверечѣ и лат. *pleik'is* «плѣшь» ¹⁾. Но такъ какъ рядомъ имѣются родственныя формы лит. *pleinė* «eine baumlose, unbedeckte Ebene», *plýnas* «frei, baumlos» (и *pleišė* «темя», собственно: «плѣшь»?) и норв. *flein* «entblösst» (ср. Fick, Vrgl. Wrtb. III⁴, 252), то корнемъ можно считать одно *plei-* (ср. Persson BB. XIX, 261), а если это такъ, то не исключена возможность, что слав. *plěx-:plъx-* получились изъ *plois-:plis-*. Далѣе представляется возможнымъ возводить тутъ *x* къ *ks*: ср. лит. *plikšas* (гдѣ *š* можетъ въ положеніи послѣ *k* восходить къ *s*) «Kahler» у Лескина Bild. d. Nom. 598; съ *plik-:plik-* ср. напр. лат. *depe* «Kröte, Tölpel»: *depsis* «ein kleiner, fetter Knabe» или лит. *raupai*: *raupsai* «проказа» и Leskien I. c. 597. Ср. еще и лат. *plaiskums* «ein leerer Platz», и *plisku pliskām* «kapp und kahl» (съ *-sk-* изъ *-ks-*? см. выше стр. 57).

Бернекеръ, наконецъ, въ своемъ словарѣ склоненъ возводить *x-* въ праслав. **xoldz* къ иде. *kh-*, но родственные языки ничего тому подобнаго не знаютъ. Считать это слово заимствованнымъ изъ гот. *kalds* мѣшаетъ его *x-*; но, можетъ быть, оно восходить къ прагерманскому слову **haldá-s*, соотвѣтствовавшему лит. *šáltas*, ср. нидерл. *hal* «gefrorener Boden».

Итакъ, приведенные примѣры на мой взглядъ еще не доказываютъ прасл. *x* изъ иде. *kh*: скорѣе всего можно было бы сослаться на **soxa*, **plěšъ* и **xvojъ*, но и въ нихъ *x* двусмысленно. Съ другой стороны, правда, я не знаю также ни одного хоть сколько-нибудь убѣдительнаго примѣра для слав. *k* изъ иде. *kh*; но рѣшающаго значенія это обстоятельство не имѣетъ: вѣдь и для слав. *p* и *t* изъ иде. *ph* и *th* Uhlenbeck JF. XVII, 94 не могъ привести больше, чѣмъ по 3 примѣра. Да и если бы нашлся примѣръ для слав.

¹⁾ Ср. также лит. *atsiplaikstýti* «sich die oberen Kleider lüften, abwerfen».

k=скр. *kh*, ав., арм. *x*, гр. *χ*, «so würde das», заявляет Педерсенъ KZ. XXXVIII, 391, «bei dem grossen schwanken zwischen *tenuis* und *tenuis aspiratae* im Idg. gar nichts bedeuten».—На этомъ я могъ бы покончить съ вопросомъ о слав. *x* изъ иде. *kh*, если бы нѣкоторыя другія данныя меня не побуждали всетаки считать эту гипотезу Педерсена возможной и, пожалуй, даже вѣроятной (несмотря на мое первоначальное недоверіе къ ней, которое явно сказывается въ предыдущемъ). Если отрицать слав. *x* изъ иде. *kh*, то остается слишкомъ много славянскихъ словъ съ загадочнымъ *x*. Въ словахъ вродѣ **xoditi* и, пожалуй, вродѣ **xomъ* (см. выше стр. 72) происхождение *x* изъ иде. *s* понятно. Но если Бернекеръ склоненъ возводить *x*- къ *s*- также въ **xomъ*, **xorna*, **xovati*, **xvĕjati*, то какъ же онъ объясняетъ ихъ *x*- вмѣсто единственно возможнаго въ такомъ положеніи *s*-? Затѣмъ, нѣкоторыя балтійскія слова съ *k* и нѣкоторыя германскія слова съ *h* очень похожи на славянскія формы съ *x*, причемъ мысль о заимствованіи, кажется, исключена. Такими я считаю слѣдующія слова:

Р. *хохолъ*, gen. s. *хохла*, н. діал. *chochół* «Ende der Garbe; Strauss»: лат. *cekul(i)s* «Zopf (des Vogels); Quaste, Strauss»; иначе смотрятъ на лат. *cekul(i)s* J. Schmidt, Neutra 178, Zubatý AfslPh. XVI, 386, Berneker подѣ *čečeriti*.

Р. *хомякъ*: лат. *kāmis*. Бернекеръ склоненъ считать лат. слово заимствованнымъ изъ русскаго языка, но р. о никогда не даетъ лат. а, ср. Жив. Стар. IX, 293 слл. Но слово это мнѣ извѣстно только изъ словаря Ульмана, такъ что я навѣрно не знаю, дѣйствительно ли существуетъ такое латышское слово (и съ долгимъ *a*).

Праслав. **xorbrъ*: лат. *skarbs* «острый, строгій, суровый, задорный», др.-исл. *skarpr* «острый». По мнѣнію Meillet, Études 403, **xorbrъ*, можетъ быть, родственно съ скр. *khara-s* «твердый, острый» и гр. *χαῤῥαρος* «острый». Относительно значенія ср. латинск. *acer* «острый, энергичный, рѣшительный, пылкій». Форма **xorbrъ*, можетъ быть, возникла изъ **xorbъ* подѣ вліяніемъ формъ вродѣ **dobrъ*, **bystrъ*, **ostrъ* и др.

Р. *хворостъ*, болг. *храст* «кустарникъ», серб. *храст* «дубъ», каш. *xařt* «Strandhafer» и др.: др.-англ. *hyrst* «лѣсъ», ср.-нижнен.

horst (или *hurst*) или *harst* «кустарникъ» ¹⁾, отъ иде. **kh(ц)orst-*: **kh(ц)rst-*. Довольствоваться предположеніемъ, что эти славянскія слова—звукоподражательныя формы, какъ это дѣлаетъ Бернекеръ, едва ли правильно.

Нижнелуж. *chwjaś se* «sich bewegen (von den Ästen der Bäume)», старор. *хвѣяться*, чеш. *chvěti* и др. Бернекеръ сближаетъ съ средне-нижнен. *swāien* «sich schwingend bewegen» и др., не объясняя однако слав. *x-* (вмѣсто *s-*). Если признать *x-* изъ *kh-*, то можно это славянское слово скорѣе сопоставлять съ р. *xвой* и др. (ср. значеніе малор. *xwoïtu*), причемъ его ѣ, въ виду лит. *skuja*, скорѣе восходитъ къ иде. *ē* (а не *oī*). Подъ вліяніемъ **khvĕjati* и **khvorstъ*, можетъ быть, первоначальное **gvostъ* (: **gvozdo* ²⁾) «лѣсъ», средне-верхнен. *quast* «Laubbüschel, Badwedel и др.) было измѣнено въ **khvostъ*.

Отношеніе праслав. **xrbvbtъ*: **grĕbъtъ* лучше всего объяснялось бы предположеніемъ чередованія *kh-*: *gh-*.

Р. *хробость* и др. (у Бернекера подъ *chrobakъ*): лат. *krabināt* «krabbeln, *krabas* «eine Art magerer Butten», лит. *krebždėti* «leise rascheln».

Признавая *x* изъ *kh*, можно было бы дѣйствительно сближать праслав. **xormъ* съ скр. *harmya-m* «festes Gebäude, Wohnhaus» (если тутъ *har-* изъ иде. *gher-*), предполагая чередованіе *kh-*: *gh-*.

Праслав. **xortъ* можетъ относиться къ др.-врхн. *rudo* «Rüde» и др., какъ, наприм., др.-врхн. *hurst* къ норв. *rust* у Фика Vrgl. Wrtb. III⁴, 78, или др.-сакс. *hors* къ *hros* у Фика i. c. 79.

Послѣ всего этого, пожалуй, естественнѣе считать **soxa* то-же-ственнымъ съ лит. *šakà*. А если это такъ, то въ отношеніи славянскаго *x* къ балтійскому *k* вѣроятно сказывается старое различіе между славянскими и балтійскими языками.

Что же до прочихъ праславянскихъ фонетическихъ явленій (вызванныхъ главнымъ образомъ стремленіемъ къ открытому слогу), которыми славянскіе языки отличаются отъ балтійскихъ, то можно было бы полагать, что они моложе окончательнаго распадаенія пред-

¹⁾ Родственными считаетъ эти славянскія и германскія слова также Младеновъ, Старитѣ германскіе элементы въ славянскитѣ езици, 122.

²⁾ Относительно *st-*: *zd-* ср. лат. *slasts*: *slazds* «ловушка» и др.

полагаемаго славяно-балтійскаго единства; а поэтому они въ данномъ вопросѣ никакой роли не играютъ. Если же мы съ другой стороны находимъ въ общемъ довольно мало общихъ для славянскихъ и балтійскихъ языковъ фонетическихъ измѣненій, то это можетъ быть объяснено тѣмъ, что тѣ говоры, къ которымъ восходятъ славянскіе и балтійскіе языки, были очень консервативны въ фонетическомъ отношеніи. Вѣдь, изъ всѣхъ современныхъ индоевропейскихъ языковъ литовскій языкъ въ общемъ лучше всѣхъ сохранилъ предполагаемые звуки индоевропейскаго праязыка (а вымершій нынѣ прусскій языкъ представлялъ въ этомъ отношеніи отчасти еще болѣе древнія черты).

В. Изъ области морфологій.

Что касается именныхъ *суффиксовъ*, то Meillet, *Études* 201, пришелъ къ заключенію, что въ словообразованіи славянскіе языки весьма замѣтно отличаются отъ балтійскихъ языковъ. Съ этимъ нельзя не согласиться, не преувеличивая однако значенія этого факта для интересующаго насъ вопроса. Суффиксы вѣдь часто перестаютъ быть производительными и въ такомъ случаѣ смѣняются другими. Благодаря этому, даже столь тѣсно родственные другъ съ другомъ литовскій и латышскій языки по отношенію къ суффиксамъ нерѣдко расходятся между собою: есть литовскіе суффиксы, которые или совершенно отсутствуютъ въ латышскомъ языкѣ, или же сохранились лишь въ обломкахъ, и наоборотъ. Неудивительно поэтому большое различіе въ этомъ отношеніи между славянскими и балтійскими языками, столь давно уже отдѣленными другъ отъ друга. Какими именно суффиксами они различаются между собою, это намъ показываютъ извѣстные труды Бругмана, Лескина, Мелье и Вондрака, и поэтому я ихъ тутъ перечислять не стану, но приведу только тѣ суффиксы, которые представляютъ собою общее и исключительное достояніе славянскихъ и балтійскихъ языковъ. Таковы слѣдующіе суффиксы.

Уменьшительный суффиксъ *-l̥t̥jo-*, наприм., въ прксл. *отрочиштъ* «*puerulus*», ч. *božic* «*filius dei*» и др., у Вондрака *Vrgl. slav. Gr. I*, 452 сл. (ср. Mikkola, *Roczn. Slaw. I*, 18 и Zubatý

LF. XXIX, 227²), и лит. *sūnýtis* «сыночекъ», *Kumutýtis* «сынъ Kumutatis'a», лат. *cālītis* «цыпленочекъ» и др., у Лескина Bild. d. Nom. 572.

Суффиксъ *-tājo-* для *nomina agentis*, наприм., въ црксл. *pa-tan*, пр. *artoys*, лит. *artójis*, у Лескина l. c. 328 слл., ср. Meillet, Études 390 сл. и Hujer, Slov. dekl. jm. 61. Въ латышскомъ языкѣ старое **artāj(a)s* теперь утрачено, но что оно когда-то существовало въ латышскомъ языкѣ, это сказывается еще въ томъ обстоятельстве, что форма *arājs* (съ ā!) «пахарь» (отъ *art* «пахать») свойственна *всѣмъ* говорамъ, значить, и тѣмъ говорамъ, въ которыхъ отъ прочихъ производныхъ глаголовъ *nomina agentis* обыкновенно оканчиваются на *-ējs*.

Славянскій суффиксъ *-niko-* очень похожъ какъ на лит. *-inyka-*, пр. *-enīka-* (гдѣ *e*, если только оно не обозначаетъ открытаго *i*, подобно литовскому *e* въ *-enīka-*, у Лескина l. c. 521, можетъ быть обусловлено вліяніемъ родственныхъ образованій, ср. црксл. *ученикъ*, старолит. *-eninka-* Mitteil. d. lit. liter. Ges. V, 47 и лат. *-enieka-* при *-inieka-*), такъ и на лит. *-iniñka-*. Но слав. *i* въ *-niko-* двусмысленно, и лит. *-inyka-* и пр. *-enīka-* могутъ быть заимствованы. Ср. Brugmann Grdr. II², 1, 486 сл., Leskien l. c. 520 слл., Meillet, Études 337 сл., Vondrák l. c. I, 460 сл.

Слав. *-ba-*: лит.-лат. *-bā-*, ср. v. d. Osten-Sacken JF. XXVI, 307 слл.

Слав. *-ěje-* для мужескаго и *-ěja-* для женскаго рода=балт. *-ēja-* для м. и *-ējā-* для ж. рода (*nomina agentis*), ср. Leskien l. c. 328 слл. и Vondrák l. c. I, 406 сл. (мнѣніе Вондрака, будто бы лит. *-ēja-* заимствовано въ виду восходящей интонаціи *ē*, совершенно неосновательно, такъ какъ восходящую интонацію имѣють литовскіе долгіе гласные иногда также въ незаимствованныхъ образованіяхъ, какъ, наприм., въ глаголахъ типа *lėkti* и др.).

Слав. *-avo-*, *-ivo-*=лит. *-ova-*, *-yva-*, ср. Leskien l. c. 351 слл., Meillet l. c. 365 слл., Brugmann Grdr. II², 1, 204, Vondrák l. c. I, 409 слл.

Слав. *-et-*=пр. *-ent-*, ср. Leskien l. c. 383 сл., Meillet l. c. 429 сл., Brugmann Grdr. II², 1, 421, Vondrák l. c. I, 493 сл., Solm-

sen Deutsche Literaturzeit., 1906 г., стр. 1692 сл., Hujer, Slov. dekl. jm. 52.

Прексл. *тѣду, кѣду, ѣду* и др.: пр. *stwendau* «von dannen», *is-quendau* «откуда», ср. Trautmann, Altpr. Spr. 250 (Вондракъ I. с. II, 397 указывает, что вѣроятно и въ праславянскомъ встрѣчались формы съ *-end-*, рядомъ съ *-ond-*). Пр. *stwendau*, конечно, получило свое *-w-* подѣ влияніемъ формы *-quendau*, возникшей вмѣсто **kendau* подѣ влияніемъ формъ вродѣ *quai* «quaе» (ном. s.) и «qui» (ном. pl.). Последнія же (рядомъ съ *kas* «кто», *ka* «что» и др.) объясняются вѣроятно слѣдующимъ образомъ: какъ по образцу ном. s. *gallū* < **galwū* (*-wū* изъ *-wā*) «голова»: dat. s. **galwai*, асс. s. **galwan* возникли формы вродѣ dat. s. *alkīnisquai* «Kummer» (къ ном. s. **alkīniskū*, съ *-kū* изъ *-kā*) вмѣсто **alkīniskai*, или асс. s. *mergwan* «дѣвчушку» рядомъ съ *mērgan* (къ ном. s. *mergu*, съ *-gi* изъ *-gā*), ср. Trautmann I. с. 224 сл., такъ и къ ном. s. fem. g. **kū* изъ **kā* (при **kai*, ср. латинск. ном. s. fem. g. *qua* рядомъ съ *quae*, и арійск. *kā*) ¹⁾ могли возникнуть формы вродѣ dat. s. **kwai*, асс. s. **kwan* и, наконецъ, вышеупомянутое *quai*. Менѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется непосредственное смѣшеніе ном. s. fem. g. **kū* и **kai* въ *quai*.

Слав. *-mo-*, балт. *-ma-* въ part. praes. pass., ср. Brugmann Grdr. II², 1, 232.

Инфинитивъ вродѣ прексл. *дати*, р. *datъ*, п. *daс* и т. д., лит. *dioti(e)*, лат. *diot* или (въ Зербигалѣ, Сенкулѣ и др.) *duoti*, пр. *dāt*, при суффиксѣ на **-tum*, ср. Vondrák I. с. II, 172 сл., Trautmann Altpr. Spr. 292 сл.

Общими глагольными образованиями являются основа настоящаго времени **dōd-* въ 2 pl. прексл. *дасте*, лит. *dioste* и др., основы наст. времени (извѣстныя отчасти и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ) на *-ājo-* (при инфинитивѣ на *-ati* въ праславянскомъ и *-oti* въ литовскомъ), *-ējo-* (при инфинитивѣ на *-ēti* въ праславянскомъ и *-eti* въ литовскомъ), *-ije-* въ славянскомъ и *-aija-* въ литовскомъ. Ср. также основы наст. времени на (слав.) *-i*, балт.

¹⁾ Откуда Бругманъ Grdr. II², 2, 349 взялъ лит. ном. s. fem. g. *kā*?

-i, чередующееся съ -jo- (въ 1 л. ед. ч.), при инфинитивѣ на -ēti въ праславянскомъ и -ēti въ литовскомъ, и iterativa и causativa на праслав. -iti, лит. -yti, при основѣ наст. времени на -i:-jo въ праславянскомъ, и -ja рядомъ съ -ā въ прабалтійскомъ, ср. Vondrak l. c. I, 509 слл. и Brugmann KVG. 525 слл.

Въ области сложныхъ образованій, какъ уже давно отмѣчено, общимъ достояніемъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ являются опредѣленные прилагательныя, получающіяся путемъ прибавленія къ прилагательному падежныхъ формъ мѣстоименной основы jo-. Meillet однако оспариваетъ значеніе этого факта указаніемъ, что этотъ типъ прилагательныхъ «diffère notablement en baltique et en slave» (Études 202; ср. также его Les dialectes 43 сл.), и что подобнымъ образомъ употребляется мѣстоименная основа jo- также въ Авестѣ, приводя въ качествѣ примѣра ав. *tāiš šyaodanāiš yāiš vahīštāiš* «his operibus optimis». А чѣмъ именно отличаются эти славянскія прилагательныя отъ балтійскихъ, Meillet не указываетъ; если онъ при этомъ имѣлъ въ виду славянскія формы вродѣ прксл. i. s. *босымъ*, d. pl. *босымъ* и др., гдѣ только мѣстоименная основа снабжена падежнымъ окончаніемъ, то это возраженіе серьезнаго значенія тутъ не имѣетъ, такъ какъ только-что приведенныя формы должны считаться славянскими новообразованиями. Болѣе вниманія заслуживаетъ указаніе на сходное употребленіе ав. *ya-*. Какъ въ авестѣ *ya-* стоитъ *передъ* своимъ сказуемымъ, такъ и въ старолитовскихъ текстахъ мы находимъ *ja-* изрѣдка *передъ* прилагательнымъ (или причастіемъ).

Къ примѣрамъ, приведеннымъ въ Лат. предл. II, 19, прибавлю еще gen. s. *paioprasta* «привычнаго» Лхр. 54, 26, loc. s. fem. g. *praiaszókusioi* «въ прошлой» у Даукши, Post. 32, 4, gen. pl. *praiwszókusiv* l. c. 242, 30, n. s. *praišpūṭe's* «пропавшій» l. c. 226, 10, n. pl. m. g. *priiieiesti* «притѣсненные» l. c. 364, 22. Какъ показываютъ эти примѣры, основа *ja-* тутъ вставлена между префиксомъ и причастіемъ. Но языкъ Авесты отличается отъ славянобалтійскихъ языковъ въ употребленіи этой мѣстоименной основы тѣмъ, что въ Авестѣ *ya-* такъ употребляется также *передъ* существительными, какъ, наприм., въ асс. s. *daēum yim araošəm* «den

Daēva Aраoša», и передъ gen. possessoris, какъ наприм. *daēnam... yam hūdānaoš* «die d. des Einsichtigen», ср. Reichelt, Awest. Elementarb. § 749 слл. Итакъ, если только вообще можно признать связь въ этомъ употребленіи мѣстоименной основы *jo-* между языкомъ Авесты и славяно-балтійскими языками ¹⁾, исключительною примѣтою послѣднихъ является такое употребленіе основы *jo-* только для образованія *опредѣленныхъ прилагательныхъ*. Связь же въ этомъ употребленіи основы *jo-* между славянскими и балтійскими языками едва ли подлежитъ сомнѣнію, такъ что оно говоритъ въ пользу особой славяно-балтійской эпохи.

Изъ именной флексіи ²⁾. а) Изъ склоненія основъ на *-(i)o-*. Общимъ новшествомъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ является окончаніе (праслав.) *-а*, прабалт. *-ā* для gen. (abl.) s. По господствующему (по крайней мѣрѣ, внѣ предѣловъ Россіи) мнѣнію, впервые, кажется, высказанному Гатталою (O ablativě ve slovančině a litvančině, въ časopis musea česk. за 1857 и 1858 гг.), это собственно—окончаніе древняго аблатива (=арійск. *-āt*). Это толкованіе однако сопряжено съ фонетическимъ затрудненіемъ, заключающимся въ томъ, что латинскому *-ō(d)* и греческому *-ω* (въ нарѣчіяхъ и дельф. *ῥοίχω* «domo», ср. Solmsen, Rhein. Mus. LI, 303 сл.) соотвѣтствуетъ въ литовскомъ *-o* (а не *-uo*) и въ латышскомъ *-a* (а не *-u*); славянское же *-a* само по себѣ могло бы соотвѣтствовать греч. и латинск. *-ō(d)*, но скорѣе оно тождественно съ **-ā* близко родственныхъ балтійскихъ языковъ. Въ виду этого затрудненія Погодинъ (Варш. Унив. Изв. 1903 г., IV, 4, 6 сл.), совершенно справедливо считая невозможнымъ возводить лит.-лат. **-ā* къ иде. *-ōt* (какъ это дѣлаютъ, напр., Wiedemann KZ. XXXII, 116 слл. и Handbuch 64, Brugmann KVG. § 463 и Grdr. I², 152, Meillet Introduction² 289 и также Vondrák l. c. II, 3), предпола-

¹⁾ Что это частичное совпаденіе этихъ языковъ можетъ быть и случайно, показываетъ намъ др.-перс. *tya-* «qui», употребляющееся подобно ав. *ya-*; примѣры даетъ Bartholomae Altiran. Wrtb. 659.

²⁾ Книгу Гуера *Slovanská deklinace jmenná* я получилъ, уже написавъ этотъ отдѣлъ. Ознакомившись съ нею, я счелъ возможнымъ (въ виду значительнаго разногласія въ нашихъ взглядахъ) оставить текстъ безъ переработки и только въ выноскахъ сослаться на нее.

гаетъ для иде. *gen. s.* окончаніе -ā¹⁾ (рядомъ съ -os(i)o-). Но на предложеніе такого новаго окончанія и на отдѣленіе слав. -а и лит. -о отъ арійск. -āt я рѣшился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы ихъ сопоставленію мѣшали непреодолимые фонетическія затрудненія, но такъ безнадежно, кажется, дѣло не обстоитъ. Нельзя, правда, съ этимъ справиться такъ легко, какъ это кажется Бернекеру *AfslPh. XXV, 478*, заявляющему, что въ балтійскомъ старое *ō* въ этомъ окончаніи «*scheint... durch ā analogisch verdrängt zu sein*» во время замѣны, напримѣръ, стараго *žolē новообразованіемъ *žalē «трава», и полагающему, что этимъ все объяснено. Возникновеніе *žalē (вмѣсто *žolē) рядомъ съ *žaljas «зеленый» и *želē «зеленѣль» могло быть вызвано чередованіемъ стараго (иде.) *a* съ *ā* и чередованіемъ *e* съ *a* (изъ иде. *o*). Но чѣмъ же вызвана замѣна *ō* черезъ *ā* въ этомъ окончаніи? вѣдь тутъ съ этимъ *ō* никакой другой гласный не чередовался! А всякое старое *ō*, не имѣвшее рядомъ съ собою *a* въ родственныхъ образованіяхъ, въ литовско-латышскомъ даетъ *uo*, ср. по этому поводу *Pedersen KZ. XXXVI, 101* слл. и *XXXVIII, 404*. Итакъ, замѣна *ō* черезъ *ā* «по аналогіи» тутъ немыслима, и лит. -о и лат. -а въ этомъ окончаніи могутъ восходить только къ старому -ā(*l*). Предположеніе же ²⁾, будто бы прабалтійское *ā* (вмѣсто *ō*) тутъ обусловлено вліяніемъ слѣдовавшаго за нимъ зубного гласнаго, не можетъ быть фонетически обосновано и, сверхъ того, не согласуется съ литовскимъ *mėnuo* «луна» (ср. *Zubatý LF. XIII, 368* и *Brugmann Grdr. II², 2, 148*). Поэтому нѣкоторые языковѣды правильно возводятъ лит.-лат. *-ā къ иде. -āt (-ād); такъ, наприм., *Mahlow, Die langen Vocale AEO. 130* слл. (-āt), *Kretschmer KZ. XXXI, 457* сл., *Hirt JF. I, 24*

¹⁾ Погодинъ находитъ это окончаніе также въ германскихъ формахъ *gen. s.* родѣ гот. *meina* «меня». Это сопоставленіе само по себѣ очень соблазнительно, но въ такомъ случаѣ мы ожидали бы -ō вмѣсто -a въ окончаніи готскихъ формъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія преобладающей теперь теоріи о сохраненіи въ готскомъ языкѣ циркумфлексированныхъ конечныхъ долготъ; ср. *Brugmann Grdr. II, 826* и *II², 2, 416*.

²⁾ Къ нему прибѣгаетъ, наприм., и *Hujer Slov. dekl. jm. 116*, считая возможнымъ выводить изъ иде. -ōd также -o въ лит. *testo* «есто» (ср. однако *Bezzenger BB. XXI, 302*).

(-ā*d*), Pedersen KZ. XXXVIII, 404 (-ā*d*), Streitberg, Urgerm. Gr. 229 сл. (-ā*d*), Bezzenberger BB. XXIV 320 сл. (-ā*d*), J. Schmidt (ср. ¹) KZ. XXXII, 117), причемъ Mahlow, Hirt и Streitberg находятъ это же окончаніе также въ латинскихъ нарѣчіяхъ вродѣ *extra(d)*, *supra(d)* и др. Латинскіе же аблативы на -ō(*d*) Mahlow и Pedersen считаютъ новообразованіями. Съ этимъ можно было бы согласиться, если бы это -ō(*d*) не встрѣчалось также въ окаменѣлыхъ формахъ вродѣ *porro* ²) (прѣнест. *porod*) и также внѣ италійскихъ языковъ — въ греческомъ. Значить, если вообще это -ō(*d*) новообразование, то оно восходитъ все-таки (какъ діалектическое явленіе) къ эпохѣ иде. праязыка, какъ склоненъ думать Streitberg l. с. Возможность такого новообразованія (подъ вліяніемъ другихъ падежныхъ формъ съ ō, противопоставившимся долготу *a* въ парадигмѣ женскихъ основъ на -ā) на праиндоевропейской почвѣ я допускаю, но нахожу также возможнымъ считать *a* и *ō* въ этомъ окончаніи одинаково древними. Если дѣйствительно, какъ полагають, наприм., Kretschmer l. с. и Karpus, Der idg. Ablativ 14, долгій гласный этого окончанія получился путемъ сліянія конечнаго гласнаго основы съ начальнымъ гласнымъ приставленнаго къ ней словечка (Karpus находитъ его въ прксл. *omъ* ³), рядомъ съ которымъ имѣлось *om-*), то качество этого гласнаго могло быть не во всѣхъ индоевропейскихъ говорахъ одинаково, вслѣдствіе ли различія въ качествахъ (о слав. *ot(ъ)* и балт. *at(a)*- ср. мои Лат. предл. I, 56 сл.) или количествъ начальнаго гласнаго приставленнаго слова, или же вслѣдствіе діалектическаго различія въ фонетическихъ законахъ сліянія (ср. напр. атт. -ō*v*: дор. -ā*v* въ gen. pl. изъ -ā'ō*v*, или атт. ō*ra*: дор. ō*ra* изъ ō*rae*). Но для того, чтобы можно

¹) Festgruss an O. v. Böhtlingk, въ которомъ помѣщена статья J. Шмидта, не имѣется въ моемъ распоряженіи.

²) Можно, пожалуй, считать съ Педерсеномъ JF. XXVI, 293 также *prod-* за аблативъ; въ пользу этого говорить лит. *prō* (съ ō!), но ср. мои Лат. предл. I, 140 и относительно *prod-* Brugmann KVG. § 610.

³) Если это такъ, то слѣдовало бы писать -ā*t* (-ō*t*), а не -ā*d* (-ō*d*) по отношенію къ иде. праязыку. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія считать съ Бругманомъ Grdr. II², 2. 164 -*d* за «näher liegend», какъ доказалъ уже Кудрявскій въ Ж. М. Н. Пр., 1896 г., апр.; ср. также Karpus l. с. 2 слл.

было остановиться на этомъ толкованіи, необходимо разсмотрѣть отношеніе латинскихъ образованій на *-ā(d)* и *-ē(d)* къ праиндоевропейскому *-ōt* и *-āt*. Считать латинск. *-ā(d)* въ нарѣчіяхъ вродѣ *supra(d)* тождественнымъ съ прабалт. **-ā(t)* и приписывать, такимъ образомъ, одному и тому же языку два окончанія для *abl. s.* основъ на *-o* я рѣшился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы я не видѣлъ никакой другой возможности объяснять эти латинскія нарѣчія на *-ā(d)*. А между тѣмъ ничто намъ не мѣшаетъ считать ихъ за *instr.* или *abl. s.* основъ на *-ā* (ср. Brugmann. KVG. § 576 и Karpus I. с. 12 сл.) и предполагать эллипсисъ за ними существительнаго женскаго рода, какъ это не подлежитъ сомнѣнію въ *dext(e)ra (manu)*, *recta (via)* и др.; ср. гр. *μακρόν, τὴν ταχίστην, ταύτη, ἰδίᾳ* и др., лат. *klusām* «тихо», *lenām* «медленно» и др. (у Мюленбаха, Изв. отд. р. яз. и слов. II. А. Н. IX, 3, 243 сл.), прскл. *ἑδύνοια* «semel» и др. Что же до латинск. *circa* (отъ *circus*), на которое ссылается Маловъ въ подтвержденіе своей мысли, то оно другими (ср. словарь Walde подъ *circum*) уже удовлетворительно объяснено какъ новообразование, возникшее вмѣсто *circum* и *(id)circo* подъ вліяніемъ формъ вродѣ *recta*, *supra* и др. И если Гиртъ I. с. доказываетъ иде. *-trād* сопоставленіемъ латинск. *-tra(d)* (въ *extra*, *contra* и др.) съ гот. *-þrō* (въ *jainþrō* «оттуда» и др.), то онъ прежде долженъ былъ бы доказать, что это гот. *-þrō* не можетъ восходить къ иде. *-trōd*. Болѣе серьезнымъ препятствіемъ для моего взгляда на отношеніе прабалт. **-ā(t)* къ итал. *-ōd* были бы предполагаемыя Бругманомъ формы *abl. s.* на *-ēd*. Если бы дѣйствительно когда-либо существовали такія формы, то можно было бы отстоять мою гипотезу развѣ только предположеніемъ, что въ части праиндоевропейскихъ говоровъ рядомъ съ *-ōt* возникло *-ēt* благодаря чередованію *-ō* съ *-ē* въ *instr. s.* этихъ же основъ. Педерсенъ, правда, усматриваетъ KZ. XXXVIII, 404 въ отношеніи прабалт. **-ā(t)* къ латинск. *-ēd* одинъ изъ случаевъ чередованія *ā* съ *ē*, подтвержденнаго имъ и другими примѣрами. Но въ склоненіи основъ на *-o* мы въ *instr. s.* находимъ чередованіе *-ē* съ *-ō* (а не съ *-ā*), и, кромѣ того, по вышеупомянутымъ причинамъ едва ли правильно считать съ Педерсеномъ латинск. *-ōd* за новообразование. Есть ли

однако вообще формы abl. s. основъ на -o, оканчивающіяся на -et? я, по крайней мѣрѣ, не увѣренъ въ ихъ существованіи. Скр. *paš-cā't* (при ав. *paskāt!*) «сзади» можетъ имѣть свое -c- вмѣсто -k- подъ вліяніемъ instr. s. *pašcā'* (ав. *pasča*) «post». Считать же лит. ė «и» (ср. Лат. пред. I, 213) и слав. *i* «et» за abl. s. нѣтъ ни малѣйшаго основанія, и чтобы это слав. *i* восходило къ *ĕ, это по крайней мѣрѣ сомнительно ¹⁾. Остаются, значить, только италійскія нарѣчія на -d вродѣ старолат. *facilumed*, фал. *rected*, оск. *amprufid* «improbe» и др. Но ихъ значеніе насъ отнюдь не заставляетъ считать ихъ непремѣнно за старые аблативы, и ничто намъ не мѣшаетъ видѣть въ нихъ старыя формы instr. s. основъ на -o (ср. Meillet, Introduction² 289), получившія свое конечное -d благодаря праиталійскому колебанію между -ō (въ instr. s.) и -ōd (въ abl. s.), а потомъ и между instr. s. на -ā, -ē, -ī, -ū и abl. s. на -ād, -ēd, -īd, -ūd (ср. Brugmann Grdr. II², 2, 166 и 189); это колебаніе должно было быть особенно сильно послѣ того, какъ формы abl. и instr. s. стали употребляться promiscue. Этимъ же колебаніемъ (вызваннымъ отчасти и чисто фонетическими причинами, о которыхъ ср. Brugmann JF. XXIII, 310) въ abl. s. между *med*, *ted*, *sed* и *me*, *te*, *se*, вѣроятно, и обусловлено возникновеніе латинскихъ формъ асс. s. *me(d)*, *te(d)*, *se(d)*; это, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ,

¹⁾ Я самъ, хотя бы по мотивамъ авторскаго самолюбія, все еще увѣренъ въ правильности своего сопоставленія (Лат. предл. I, 40²) слав. *i* съ однозначнымъ балтійскимъ *ir*, хотя Бернекеръ въ своемъ словарѣ даже не упоминаетъ о немъ, предпочитая сопоставленіе слав. *i* съ гр. *ei* «если» и гот. *ei* «что, чтобы, ли». Но что въ семасіологическомъ отношеніи несравненно естественнѣе считать слав. *i* тождественнымъ съ балт. *ir*, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. И нѣтъ также никакихъ фонетическихъ препятствій для моей этимологіи. Если Зубатый, оспаривая ее JFA. XXII, 58, говоритъ, что въ славянскомъ ожидалось бы въ такомъ случаѣ ѣ- или *jъ*- (а всякое начальное ѣ- вѣдъ принимается *j-*!), имѣя при этомъ въ виду вѣроятно данныя западнославянскихъ языковъ, то при этомъ онъ упускаетъ изъ виду староч. и староп. асс. s. *jī* «его» (съ *j-* вмѣсто **i* подъ вліяніемъ прочихъ падежей), изъ праслав. **jь* (изъ иде. *jom* или же, ср. лит. *jī* «его», изъ иде. **im*). Эта форма, значить, показываетъ, что также балтійскому *ir* можетъ соответствовать только сл. *i* (также въ западнославянскихъ языкахъ). И сопоставлять слав. *i* съ балт. *ir* естественнѣе, наконецъ, и по той причинѣ, что славянскіе языки ближе родственны съ балтійскими, чѣмъ съ греческими или германскими языками.

проще, нежели другія объясненія этихъ формъ. Итакъ, несомнѣнныхъ слѣдовъ иде. abl. s. на *-ēt* мы нигдѣ не находимъ, а поэтому и не обязаны признавать его.—Возвращаясь послѣ этого глоттоническаго экскурса къ славяно-балтійскому gen., abl. s. на **-ā(t)*, мы должны разсмотрѣть отношеніе къ нему прусскаго gen. s. на *-as* отъ основъ на *-o*. Если бы дѣйствительно, какъ полагаютъ Meillet, Les dialectes 45 (если я его правильно понимаю), и Trautmann Altpr. Spr. 216, эти прусскія формы на *-as* (наприм. *deiwas* «бога») восходили къ иде. формамъ gen. s. на *-os(i)o*, то отсюда слѣдовало бы, что нѣтъ никакой связи между славянскими и балтійскими языками въ употребленіи стараго аблатива взамѣнъ стараго родительнаго падежа. Но правильнѣе, кажется, смотрѣли на эти прусскія формы Лескинъ, Declination 31 слл., и Бернекеръ, Preuss. Spr. 186, считая ихъ новообразованиями подѣ влияніемъ род. п. основъ на *-ā*; возможность такого новообразования они такъ отлично обосновали, что я тутъ могу ограничиться ссылкой на нихъ и указаніемъ на аналогичныя съ этимъ новообразования gen. s. вродѣ пр. *am̃sis* «народа», *noseilis* «духа», *tawischis* «ближняго», *wismosingis* «всемогущаго»¹⁾. Возводитъ же пр. *-as* къ иде. *-osjo* (противъ *-oso* говорятъ данныя прусской мѣстоименной флексіи) невозможно безъ серьезныхъ фонетическихъ затрудненій. Прежде всего подлежитъ сомнѣнію возможность безслѣднаго отпаденія конечнаго гласнаго: какъ въ 3 л. наст. врем. основъ на *-o* встрѣчается еще *-a*, такъ ожидалось бы также **-asja > *-asje* или **-aše* (ср. выше стр. 65 слл.) изъ *-osjo* въ gen. s. (по крайней мѣрѣ, рядомъ съ *-as*). Но можно бы, пожалуй, объяснять безслѣдное отпаденіе *-a* въ данномъ случаѣ стремленіемъ имѣть въ gen. s. столько же слоговъ, какъ и въ прочихъ косвенныхъ падежахъ единств. числа. Но при отпаденіи конечнаго гласнаго въ **-asja > *-asje*, кажется, ожидалось бы въ результатѣ скорѣе **-asi*, судя по формамъ 3 л. наст. врем. вродѣ

¹⁾ Trautmann I. с. 236 совершенно справедливо отвергаетъ гипотезу Бернекера I. с. 187, по которой *i* въ этомъ окончаніи обозначаетъ неударяемое *ei*: gen. s. вродѣ *noseilis* (разъ съ знакомъ долготы: *noseil̃is*!) возникъ рядомъ съ асс. s. *noseilin* подѣ влияніемъ отношенія асс. s. *teisin* «честь», *deivan*, *gennan* къ gen. s. *teisis* (съ *-is* изъ *-ēs*), *deiwas*, *gennas* и др.

wīkawi «требуется» (при *rickawie* «управляет»), *giēidi* «ждутъ» (при *gēide*) и др. Наконецъ, при **-esja* въ мѣстоименной флексіи мы имѣли бы, пожалуй, *e* (а не *a*) передъ *s* также въ именной флексіи. Все это намъ показываетъ, что менѣе рискуемъ ошибиться, считая съ Лескиномъ и Бернекеромъ прусскія формы вродѣ *deiwas* «бога» за новообразованія. Разногласіе же въ gen. s. мѣстоименной флексіи (праслав. **togo*: лит. *tõ*: пр. *stesse*), на которое ссылается Мелье 1. с., показываетъ только, что въ славяно-балтійскую эпоху старое окончаніе род. падежа основъ на *-o* было вытѣснено окончаніемъ аблатива пока лишь въ именной флексіи. Нѣтъ, значитъ, по крайней мѣрѣ никакихъ препятствій относить это явленіе къ славяно-балтійской эпохѣ.

Переносъ мѣстоименнаго окончанія nom. pl. masc. g. основъ на *-o* въ именную флексію мы находимъ не только въ славянскихъ и балтійскихъ, но также въ греческомъ, латинскомъ и кельтскихъ языкахъ, такъ что совпаденіе прабалтійскаго **vilkaĩ* съ праслав. **vьlci* большого значенія не имѣетъ. Мало того, нѣкоторые ученые (J. Schmidt, KZ. XXVI, 363 сл., Neutra 227 сл., Mahlow, Die langen Vocale 81, Wiedemann, Handbuch 64, Hirt JF. X, 49, Gauthiot JF. XXVI, 356 сл., Bezzenberger ГЕРАΣ 156, Solmsen, Wochenschr. f. class. Phil. 1904 г., стр. 941, Mühlenbach JF. XIII, 238, Meillet, MSL. XV, 73, De quelques innovations de la décl. lat. 15 сл., Trautmann Altpr. Spr. 218 сл.) даже отрицаютъ тожество лит. *vilkaĩ* съ прекл. *вьлци*, считая лит. *-ai* окончаніемъ среднего рода и отождествляя его съ латинск. *-ae* въ *quae*, *hae-c*! Что это однако неправильно, въ этомъ я совершенно увѣренъ. Такая замѣна окончанія основъ мужескаго рода окончаніемъ основъ среднего рода сама по себѣ не есть нѣчто естественное или вѣроятное (въ единственномъ числѣ мы встрѣчаемъ какъ разъ обратное явленіе!). И предполагаемая замѣна тѣмъ болѣе невѣроятна, что nom. pl. *существительныхъ* среднего рода на (иде.) *-āi* не встрѣчается ни въ другихъ индоевропейскихъ, ни въ близко родственныхъ славянскихъ языкахъ, ни въ прусскомъ ¹⁾ (ср. пр. *avusto*

¹⁾ Считать съ Траутманомъ 1. с. 218 сл. пр. окончаніе *-ai* въ формахъ вродѣ *wijrai* «мужи» рѣшительно нѣтъ никакого основанія (см. ниже) и никакой возможности, такъ какъ дѣйствительныя формы среднего рода указываютъ на *-āi*.

«уста», *warto* «ворота» и др. у Траутмана l. c. § 120; и *malnijkiku* съ *-ku* изъ *-kā* «дѣти», 2× въ III катехизисѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ падежахъ это слово—старое уменьшительное—уже является съ окончаніями мужескаго рода ¹⁾, что совершенно понятно при почти полной уtratѣ существительныхъ средняго рода въ языкѣ III катехизиса, ср. напр. *stas... testaments* въ III кат.: *sta... testamentan* въ I кат. Ср. Berneker, Pr. Spr. 192). Что литовскія формы вродѣ *vilkaĩ*—собственно формы средняго рода, это по мнѣнію Meillet MSL. XV, 73 доказывается ихъ наконецнымъ удареніемъ (ср. также Hirt JF. X, 49 слл.) и обобщеніемъ правила *τὰ ζῶα τρέχει!* Такая аргументація со стороны Meillet меня поражаетъ. Во-первыхъ, какъ показываетъ грамматика Куршата, далеко не всѣ лит. пом. pl. на *-ai* имѣютъ удареніе на концѣ (ср. между прочимъ получившееся изъ старой формы средняго рода *vaĩtai*: рус. *воротаĩ*!), а мѣна ударенія въ словахъ вродѣ *diėvas*: *dievaĩ* объясняется просто тѣмъ, что такія слова когда-то были охутона (ср. скр. *dēva-s*), а пом., gen., dat. и асс. s. существительныхъ основъ на *-o* теперь въ литовскомъ почему-то никогда не можетъ имѣть ударенія на окончаніи. Что же до балтійскаго употребленія 3 л. ед. ч. также въ значеніи 3 л. множ. ч., то и оно не объясняется предположеніемъ Meillet. Оно восходитъ къ эпохѣ прабалтійской, а между тѣмъ прусскій языкъ, какъ уже указано, различалъ формы средняго рода на **-ā* отъ формъ муж. рода на *-ai*. И сохранившіе средній родъ близко родственные славянскіе языки вовсе не знаютъ 3 л. ед. ч. при подлежащемъ средн. рода множ. числа, такъ что эта особенность, можетъ быть, была совершенно чужда и балтійскимъ языкамъ. Да и вообще было бы странно, если бы вымиравшій въ балтійскихъ языкахъ средній родъ все же могъ еще оказать такое вліяніе на судьбу глагольныхъ формъ ²⁾. И если даже признать, что *-ai* окончаніе средняго рода, все-таки еще оставалось много формъ пом. pl. не средняго рода, такъ что утрата 3 л. множ. ч. можетъ быть объяснена только особой при-

¹⁾ Да и само это *malnijkiku* уже имѣетъ при себѣ опредѣленіе прилагательное въ мужескомъ родѣ (на *-ai*).

²⁾ Ср. Поржезинскій, Къ исторіи формъ спряженія 46.

чиной. И причина эта, на мой взглядъ, заключалась въ томъ, что 3 л. множ. ч., оканчивавшееся, судя по 3 л. ед. ч. на *-a(t)*, въ прабалтійскомъ на *-an(t)*, формально совпадало съ пом. pl. ¹⁾ masc. g. причастій на *-nt-* (объ этой формѣ причастій ср. J. Schmidt KZ. XXVI, 362 сл.), а совпаденіе это было крайне неудобно по той причинѣ, что причастія дѣйствительнаго залога въ балтійскихъ языкахъ въ косвенной рѣчи употребляются какъ особый *modus relativus* въ значеніи личныхъ глагольныхъ формъ (литовскіе примѣры у Куршата Gramm. § 1578, Барановскаго, Замѣтки о лит. яз. 70 и Гейтлера, Beiträge z. lit. Dial. 32 сл., латышскіе—въ нашей грамматикѣ § 218), ср. Zubatý JFA. XVI, 54. Нужна была, значитъ, форма, свойственная исключительно изъявительному наклоненію, и такъ какъ и раньше III л. ед. ч. иногда (при нѣсколькихъ подлежащихъ въ ед. числѣ, и если сказуемымъ былъ глаголъ *es-*; а въ желательномъ или условномъ наклоненіи искони, кажется, 3 л. ед. и множ. ч. имѣло общую форму, о чемъ ср. Zubatý l. с. 56) употреблялось вмѣсто 3 л. множ. ч., то двусмысленное 3 л. множ. ч. было окончательно замѣнено 3 лицомъ ед. ч.: объ утратѣ же 3 л. дв. ч. ср. Zubatý l. с. 54. Нѣтъ, значитъ, ровно никакихъ доводовъ въ пользу гипотезы, будто лит. *-ai* — окончаніе среднего рода. И не подлежитъ сомнѣнію, что она была придумана только съ цѣлью объяснить отношеніе этого *-ai* къ окончаніямъ тѣхъ же основъ *-iē* (въ мѣстоименной флексіи) и *-i* (при *-ie-jī* въ опредѣленной формѣ) въ склоненіи прилагательныхъ и къ гр. *-oi*. Если бы можно было удовлетворительно объяснить взаимное отношеніе этихъ окончаній, то вѣроятно никто болѣе не считалъ бы *-ai* окончаніемъ среднего рода. И я думаю, что такое объясненіе возможно. Тѣхъ языковѣдовъ, которые пришли къ заключенію, что лит. *-ai* — окончаніе среднего рода, озадачивало именно это *-ai*, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, всякое иде. *-oi* или *-ai* въ литовско-латышскомъ перешло въ **-ie*, и такъ какъ они полагали, что пом. pl. masc. g. всѣхъ основъ на *-o* въ прабалтійскомъ оканчивался

¹⁾ Что также въ латышскомъ языкѣ были формы, соответствующія литовскимъ пом. pl. на *-a*, показываетъ лат. *esu* (=лит. *ĕsa*) у Мюленбаха въ Изв. отд. р. яз. и слов. II. А. Н. IX, 3, 262 сл.

на *-ai* (изъ иде. *-oi*). Но въ своей статьѣ о происхожденіи литовско-латышскаго *ie* (въ Изв. отд. р. яз. и сл. И. А. Н. XII, 1, 40 слл.) я доказываю, что это *ie* получается, по крайней мѣрѣ, въ корневыхъ слогахъ только изъ иде. *ei* и развѣ только въ конечныхъ слогахъ также изъ прабалтійскаго *ai*, перешедшаго въ неударяемомъ положеніи въ *ei*; и такъ какъ до сихъ поръ никто еще не опровергалъ моихъ доводовъ, то я тутъ имѣю нѣкоторое право сослаться на эту статью. Въ объясненіи нуждается, значить, не лит. *-ai*, но скорѣе *-ie*. Но и послѣднее окончаніе легко объясняется данными прусскаго языка. Между тѣмъ какъ существительныя основы на *-o* въ прусскомъ въ пом. pl. всегда оканчиваются на *-ai*, тѣ же прилагательныя и мѣстоименныя основы имѣютъ въ этомъ падежѣ рядомъ съ *-ai* также *-ei*¹⁾; примѣры даются Траутманомъ (но съ неправильнымъ освѣщеніемъ!) л. с. 242, 259, 261, 264, 265, 266,

¹⁾ Траутманъ л. с. 245 приводитъ (отъ основъ на *-io* и *-i*) также пом. pl. на *-i*, но не подлежитъ сомнѣнію, что формы *packawingi* «friesam», *poklusmingi* «gehorsam», *promettŭwingi* «untertan», *poseggŭwingi* «gehorsam» и *weijsewingi* «fruchtbar» могутъ быть нарѣчія (самъ Траутманъ л. с. 244 и 246 указываетъ, что такія же формы пом. s. средн. рода на *-i* и *-an* такъ же употребляются въ качествѣ нарѣчій; въ оборотахъ: *stai gennai boŭsei poklŭsmingi* (по Траутману пом. s. neutr. g.) «die Weiber seyen unterthan» и *joŭls malnijikai seiti poklusmingi* (по Траутману пом. pl. m. g.) «Ihr Kinder seydt gehorsam», значеніе *poklusmingi*, очевидно, совершенно одинаково), а *ainawijdi* (*sta ast ainawijdi kaulei* «das ist doch Bein») даже не можетъ имѣть значенія прилагательнаго. Остается только *nidruwŭngi* (*stai nidruwŭngi* «die Ungleubigen»), гдѣ *-i* вѣроятно опечатка вмѣсто *-ei*, ср. три опечатки (съ *i* вмѣсто *ei*) у Траутмана л. с. 141. Такъ же, по моему мнѣнію, ошибается Траутманъ, приводя л. с. 255 формы пом. pl. причастій прош. вр. дѣйств. залога на *-uns* или *-ons* и отождествляя ихъ съ скр. формами на *-vasas*: по моему эти пр. формы представляютъ собою просто пом. s., употребляемый (въ духѣ нѣмецкаго языка) вмѣсто пом. pl.; настоящія формы пом. pl. мы имѣемъ въ *immusis* и *aupallusis*; ср. лит. диал. формы вродѣ *mirusys*. Вообще, чѣмъ чаще приходится пользоваться грамматикой Траутмана, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что новая прусская грамматика желательна и послѣ появленія труда Траутмана. Если бы самъ Траутманъ могъ намъ дать второе, переработанное изданіе своей книги, то было бы желательно, чтобы онъ безъ надобности не уклонялся отъ прусской грамматики Бернекера; такъ, наприм., Бернекеръ въ изложеніи пр. вокализма исходитъ отъ иде. звуковъ (еще лучше было бы исходить отъ прабалтійскихъ звуковъ), между тѣмъ какъ Траутманъ отчасти исходитъ отъ буквъ, которыми обозначаются прусскіе гласные, такъ что ориентироваться у него въ пр. вокализмъ не совсѣмъ легко.

268 (форму же *-di*, передающую нѣм. *man*, которую Траутманъ считаетъ за ном. pl. masc. g., я принимаю за ном. s. neutr. g.). Отъ мѣстоименной основы *sta-* ном. pl. въ III кат., правда, всегда является въ видѣ *stai* (и съ нимъ можетъ быть тождественно *staeu* въ I и II катех.), но *-ei-* въ косвенныхъ падежахъ (gen. pl. *steison* и dat. pl. *stēimans*) и *tennei* «они» (только съ *-ei*, всего 7×; ср. еще gen. pl. *tenneison* и dat. pl. *tennēimans*) позволяютъ предполагать также пр. форму ном. pl. **stei*, ср. Brugmann Grdr. II², 2, 367 и Berneker Pr. Spr. 202. Итакъ, данныя прусскаго языка подтверждаютъ мое мнѣніе, что лит. *tiẽ* и лат. *tiẽ* восходятъ къ прабалт. **tei*; и такъ же и dat. pl. лит. *tiems*, лат. *tiẽm* относительно вокализма соотвѣтствуетъ не пресл. *тѣмъ*, но пр. *stēimans*, отличающаяся отъ этой прусской формы только своимъ акутомъ. Исторія ном. pl. основъ на *-o* мнѣ представляется, значитъ, слѣдующимъ образомъ: (не позже славяно-балтійской эпохи) подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ формъ вродѣ **toi* въ говорахъ, къ которымъ восходятъ теперешніе балтійскіе и славянскіе языки, также въ именной флексіи ном. pl. сталъ оканчиваться на *-oi* (или *-ai*). А такъ какъ въ мѣстоименной флексіи (рядомъ съ *-oi*) встрѣчалось также *-ei* въ ном. pl. (исходнымъ пунктомъ послѣдняго Бругманъ l. c. считаетъ мѣстоименіе **ei*, откуда др.-ирл. *é* «они»), то могло случиться, что въ литовско-латышскомъ (а отчасти и въ прусскомъ) *-ei* было обобщено въ мѣстоименной флексіи и отсюда въ послѣдствіи перенесено и въ склоненіе прилагательныхъ, которыя въ литовско-латышскомъ вообще усвоили себѣ мѣстоименныя окончанія ¹⁾. Что также лат. *-i* въ ном. pl. прилагательныхъ сокращено не изъ *-ai*, но изъ *-ie*, это намъ показываютъ, помимо опредѣленныхъ формъ на *-ie*, формы вродѣ *plici* (вмѣсто обычнаго *pliki*) «голые» BW. 3351⁴ (ср. еще i. pl. *šeicim* BW. 7411, 2=*sikiem* «мелкими»), гдѣ *-ci* можетъ восходить только къ литовско-латышскому **-k'ie*, а не **-kai* (ср. лат. 2 л. ед. ч. *saki* «говоришь»=лит. *sakaĩ*, рядомъ съ лат. *tec(i)* «течешь»=лит. *teki*); обычное же *pliki* (и dat., i. pl. *plikiem*) получило свое *k* отъ другихъ падежей съ *k* не передъ гласными пе-

¹⁾ Если же ходъ развитія таковъ, то доводы Meillet Roczn. Sl. III, 163 становятся безспорными.

редняго ряда. Что же до лат. существительныхъ вродѣ *vilki*, то навѣрно мы не можемъ знать, восходить ли ихъ *-i* къ *-ai* (ихъ *-ki* можетъ быть однородно съ *-ki* въ *pliki!*), или же старое **vilikai* было вытѣснено новообращеніемъ **vilkie*¹⁾ (ср. dat. pl. *vilkiem* и dat. s. *vilkam* съ мѣстоименными окончаніями!).—Остается разсмотрѣть различіе въ интонаціи между гр. *-oi*, лат. *-iē* (въ *tiē* «тѣ» и *šiē* «эти») и лит. *-i, -ie-jì* съ одной стороны, и лит. *-iē* и *-ai* съ другой стороны. Что касается лит. *tiē*, то уже Гиртомъ JF. I, 31 и Бругманомъ Grdr. II², 2, 190 высказано предположеніе, что циркумфлексъ этой формы замѣнилъ собою первоначальный акутъ (а это подтверждается лат. *tiē*), и такого же мнѣнія я держусь относительно лит. *-ai*. Судьбу акутованныхъ конечныхъ слоговъ въ литовскомъ языкѣ я представляю себѣ именно слѣдующимъ образомъ: въ словахъ неодносложныхъ конечные долгіе гласные и *-ie, -uo* подъ акутомъ подверглись сокращенію, на что впервые обратилъ вниманіе Лескинъ AfsIPh. V, 188 слл.²⁾, между тѣмъ какъ прочія

¹⁾ Въ пользу этого говорятъ діалектическія формы вродѣ *tēvi* «отцы» съ узкимъ *ē*.

²⁾ Лескинъ однако предполагаетъ сокращеніе всевозможныхъ долготъ (значитъ, также дифтонговъ *ai, ei, au*) и также въ односложныхъ словахъ. Но этому противорѣчатъ формы вродѣ *tiē* и асс. pl. *tōs*, и нѣтъ вовсе примѣровъ (литовскихъ) для сокращенія дифтонговъ *ai, ei, au*. Иначе смотритъ на это явленіе Фортунатовъ (Сборн. отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 40 и 154; ср. также BB. XXII, 161 и AfsIPh. XXIX, 422); по его мнѣнію акутованныя долготы перешли въ краткость только въ открытомъ концѣ словъ (также въ односложныхъ словахъ!) и безъ ударенія также въ закрытомъ концѣ слова (примѣромъ служатъ формы вродѣ *bēris* «гнѣздо»); а подъ удареніемъ въ закрытомъ концѣ словъ эти долготы обратились «въ полудолготу съ восходящимъ качествомъ ударенія, откуда, наприм., въ среднелитовскомъ нарѣчій долгота съ восходящимъ удареніемъ» (такъ будто въ *mēs* «мы», *arklīs* «лошадь» и др.). Такъ какъ статья Фортунатова о балтійскомъ удареніи и количествѣ, къ сожалѣнію, все еще не кончена, и вслѣдствіе этого я не знаю, какъ онъ объясняетъ противорѣчающія его теоріи формы (вродѣ ном. s. *tō* или асс. pl. *gerās*), то полемика съ нимъ по этому поводу была бы преждевременна. Относительно приведенныхъ имъ примѣровъ замѣчу, что Фортунатовъ вѣроятно правъ, возводя *bēris* къ **bērys*; въ пользу этого говорятъ какъ данныя латышскаго языка, гдѣ литовскому *-ys* и *-is* одинаково соотвѣтствуетъ *-is* изъ **-īs*, такъ и данныя самого литовскаго языка, ср. Явнисъ, Понев. говоры II, 4 сл. и Барановскій, Замѣтки 14 сл. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что *-ys* восходить къ **-ýs*, такъ какъ *-is* въ *bēris* вмѣсто **bērys* можетъ быть объяснено

акутованныя конечныя долготы (*ie*, *uo* и долгіе гласныя въ одно-
сложныхъ словахъ и дифтонги съ *i* или *u* во второй части), не
сокращаясь, получили взаѣмнѣ акута циркумфлексъ. Что въ одно-
сложныхъ словахъ всякаго рода долготы сохраняются (ср. Brückner
AfslPh. III, 265, Hanssen KZ. XXVII, 613 и 616, Zubatý LF. XIII,
243, Wiedemann Handb. 43; иначе Bezzenberger BB. X, 203), по-
казываютъ намъ, напримѣръ, ном. pl. *tiē* (при *geri*, *gerie-ji*; подъ
вліяніемъ формъ *tiē*, *šiē*, *jiē* также *kokiē*, *kuriē* и др.); асс. pl.
tuōs Jurkschat, Lit. Märchen 45, Лхр. 361, 16; 370, 28; 371, 28, *juōs*
Jurkschat l. c. 76, Лхр. 367, 6, fem. g. *tōs* (при *gerās*) Поневѣж-
скій уѣздъ 140, Явнисъ, Понев. говоры II, 6, 10, *tās* (при *gerās-ias*)
Jurkschat l. c. 7, *jēs* l. c. 131; ном., асс. du. *tuō-du* (при *gerū*,
gerūaju-du), fem. g. *tiē-dvi* (при *geri*, *gerieji-dvi*); ном. s. fem. g.
tō (при *gerā*, *geró-ji*) Поневѣжскій уѣздъ 140, Явнисъ, Понев. го-
воры II, 4, 11; *ju's* «вы» (при лат. *ju's* и пр. *ioūs*, ср. Фортуна-
товъ BB. XXII, 161 и Сборникъ отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 16²).
Что же до формъ вродѣ ном. s. fem. g. *tà*, *šà*, *jà*; i. s. fem. g. *tà*, *tù*
Явнисъ, Понев. говоры II, 8; асс. pl. *tūs*, fem. g. *tàs*; *dū* «два»,
dvi «двѣ», то сокращеніе въ нихъ долготы вѣроятно произошло въ
проклитическомъ положеніи, ср. KZ. XLII, 375 сл., причемъ воз-
никновенію сокращенныхъ мѣстоименныхъ формъ (наприм. *tà*) могли
содѣйствовать соотвѣтствующія имъ формы прилагательныхъ (на-
прим. *gerā*). А съ ном. pl. вродѣ *dievāi* изъ **dievāi* ср. *geriāu's*
«melius» при *geriāus(iaī)* «optime», *taīp* «между» при *tārpas* «про-
межутокъ» (съ удареніемъ во всѣхъ падежахъ на начальномъ сло-
гѣ), ср. Явнисъ, Понев. у. 100, и III л. буд. врем. вродѣ *aīgs*
(къ *augti* «расти»), *duōs* (къ *dūoti* «дать»), *aīš* (къ *ārti* «пахать»),
keliaū's (къ *keliauti* «путешествовать»), *žinōs* (къ *žinoti* «знать»)

вліяніемъ формъ на старое (иде.) *-is*, о которомъ ср. Brugmann Grdr. II², 1, 197,
Форму же *mēs* я въ виду пр. *mes*, *mas* (изъ прабалт. **mes*) и арм. *mekh* воз-
вожу къ **mēs* (лат. *mēs*, —и, можетъ быть, и лит. *mēs*, —могло получить свою
долготу подъ вліяніемъ *ju's* «вы»; старая краткость, можетъ быть, еще сохрани-
лась въ Сауссенскомъ *mas* съ восточнолат. *a* изъ *e* BB. XII, 217; *mas* мнѣ из-
вѣстно также изъ Лубана, Берзона, Зессвергена, Друвенена и др.), ср. Meillet
MSL. VIII, 161, XV, 91, Recherches 95, Esquisse d'une gramm. comp. de l'ar-
ménien 65, и Leskien, Ber. d. sächs. G. d. W. XXXVI, 98 сл.

и др., ср. Schleicher Gramm. 228, Bezzenberger BB. X, 202 сл., Jurkschat, Märchen 8, 9, 10 и др., Барановскій, Замѣтки 53, Поржезинскій, Изв. отд. р. яз. и слов. I, 487, Фортунатовъ, Сборникъ отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 154 сл., Schulze KZ. XLIV, 131. Формы же съ конечнымъ акутомъ—новообразованія, возникшія или подъ влияніемъ родственныхъ формъ съ акутомъ не на конечномъ слогѣ, или же вслѣдствіе утраты первоначальнаго конечнаго слога; таковы, напримѣръ, dat. s. *tám*, *gerám* при *tām̃ui*, *gerām̃ui* (Kurschat, Gr. § 170); i. s. *túo* Лхр. 383, 7; 386, 35, Явнисъ, Понев. гов. ¹⁾ II, 11, *júo* Лхр. 380, 36, fem. g. *tá* или (восточно-лит.) *tú* Лхр. 358, 27 (ср. *gerúo-ju*, *gerá-ja*); n. pl. *écie* Лхр. 378, 36; 380, 45 (ср. *gerie-ji*); a. pl. *túos*, *tás* (ср. *gerúos-ius*, *gerás-ias*; Явнисъ, Понев. у. 101); *jéi* или (Kurschat, Gramm. § 1597, и Юшкевичъ подъ *jágu*) *jēi* «если» (съ акутомъ подъ влияніемъ сложныхъ формъ *jéigu* и *jéigi*, ср. Mikkola BB. XXII, 248¹⁾); подобно *jéi* вѣроятно объясняются *nái* (: гр. *raí*) «да» (въ Россіенск. у.) и *neí* «какъ, словно» рядомъ съ однозначашимъ *neĩ* (ср. Bezzenberger BB. XXI, 306¹⁾) и *visái* (при *visaĩ*) «совѣтъ»; *veĩ* (также *vè*) «есце», какъ и однозначашее съ нимъ лат. *vei*, вѣроятно сокращено изъ **vėizdi* «смотри», ср. наприм. лат. *re(dzi)* или *rau(gi)* «смотри», *klaui(s)* «слушай» и др.; dat. s. *mán*, *táu*, *sáu* изъ двусложныхъ формъ (Фортунатовъ, Сборн. отд. р. яз. и слов. LXIV, 11, 16²⁾). Если *jús* «вы» у Юркшата I. с., наприм., 37, 49 (3×), 99, не ошибочно вмѣсто *jū's* ²⁾, то я могъ бы себѣ его объяснить только влияніемъ формы *jūsũ* «васъ». Что же до нижнелит. формъ вродѣ *rašáu* «пишу», *rašáu* «я писалъ» (при *jaũ*) ³⁾, и *rašá* «пишешь» изъ **rašái*, *rašé* «ты писалъ» изъ **rašėi*, *vilká* «ты влекъ» (при *vilkā*) ³⁾ «волки» изъ *vilkaĩ*, указанныхъ Явнисомъ, Описаніе Россіенск. уѣзда 28 и Поневѣжск. у. 134, то различіе между ними и соответствующими имъ

¹⁾ Доставъ недавно (благодаря любезности моего коллеги проф. А. Л. Погодина) эту книгу, я нашелъ, что уже Явнисъ I. с. 14 правильно объяснилъ лит. *apjėkti* «ослѣпнуть», чего я не зналъ Изв. отд. р. яз. и слов. XV, 2, 218.

²⁾ Когда это было уже написано, я узналъ отъ К. К. Буги, что *jús* дѣйствительно встрѣчается въ нѣкоторыхъ говорахъ, ср., наприм., Kriaušaitis, Liet. kalbos. грам., стр. 23.

³⁾ Съ сильноосерединной интонаціею.

верхнелитовскими формами съ циркумфлектированнымъ конечнымъ слогомъ, можетъ быть, объясняется предположеніемъ, что верхнелит. формы вродѣ *vilkaĩ* «ты влекъ» восходятъ къ пралит. **vilka-i'e* > **vilka-i*, тогда какъ нижнелит. **vilkaĩ* (> *vilka*) можетъ восходить къ **vilka'-ie* > **vilka'-i* (съ удар. на *ā*), причемъ слияніе двухъ послѣднихъ слоговъ могло произойти уже послѣ того, какъ пересталъ дѣйствовать законъ о замѣнѣ конечнаго акута циркумфлексомъ ¹⁾. Итакъ, есть основаніе думать, что, напримѣръ, лит. *dievai* «боги» восходятъ къ **dievai*. Но какъ въ такомъ случаѣ объясняются формы вродѣ *vaĩtai* «ворота» вмѣсто ожидаемаго **vartai* ²⁾ > *vartai*, и *kelmai* «пни» (при асс. pl. *kėlmus*) вмѣсто ожидаемаго **kėlmai*? Вѣроятно такъ же, какъ формы буд. времени вродѣ *kėpsiu* (при восточнелит. *kėpsiu*), т. е. какъ новообразованія. Такъ какъ у существительныхъ типа I b (у Куршата, § 536) удареніе во множ. числѣ во всѣхъ падежахъ кромѣ ном. и асс. pl. падало на корневой слогъ, то эти существительныя относительно ударенія были весьма похожи на существительныя типа II b (съ постояннымъ удареніемъ на начальномъ слогѣ); а вслѣдствіе этого могло случиться, что также въ ном. pl. удареніе въ словахъ типа I b было перенесено на корневой слогъ, тѣмъ болѣе что отношеніе ном. pl. *vaĩtai*: асс. pl. *var-tūs* напоминало отношеніе ном. pl. *raĩkos*, *žvākės*: асс. pl. *rankàs*, *žvakės*. Слова же типа II a (вродѣ *kelmai*), имѣя во множ. числѣ удареніе почти во всѣхъ падежахъ на окончаніи, могли въ ном. pl. попасть подъ вліяніе словъ типа I a, имѣвшихъ во всѣхъ падежахъ множ. числа удареніе на окончаніи. Но въ такомъ случаѣ ожида-

¹⁾ Возможно, впрочемъ, что первоначально стояли рядомъ **rašausi* и т. д. и *rašai* и т. д., послѣ чего въ нижнелитовскомъ могла быть обобщена интонація возвратной формы, въ прочихъ же говорахъ—интонація дѣйствительнаго залога. И это, пожалуй, болѣе правдоподобно.

²⁾ Такая же форма съ наконечнымъ удареніемъ ожидалась бы также въ томъ случаѣ, если бы *-ai* дѣйствительно представляло собою окончаніе среднего рода; ср. р. *vorotai* съ *-a* изъ акутованнаго иде. *-ā* и пр. *warto*, доказывающее, что въ прабалтійскую эпоху, знавшую уже переносъ ударенія съ циркумфлектированнаго слога на послѣдующій слогъ съ акутомъ (ср. Trautmann Altpr. Spr. 194 сл.), имѣлась форма средн. рода **vartā* (а не **vartai*), которая должна была имѣть удареніе на концѣ. Начальное удареніе лит. *vaĩtai*, значить, для меня ничуть не болѣе затруднительно, чѣмъ для считающихъ *-ai* окончаніемъ средн. рода.

лось бы также **kelmūs* (вмѣсто *kelmus*) въ асс. pl.; и поэтому я считаю возможнымъ, что переносъ ударенія съ окончанія на акутованный корневой слогъ имѣлъ мѣсто только послѣ сокращенія конечной акутованной долготы ¹⁾, а если это такъ, то формы вроде *kelmaī* совершенно правильны. Но во всякомъ случаѣ отношеніе *kelmaī*:*kelmus* совершенно однородно съ отношеніемъ *minkštī*:*minkštus*.—Итакъ, ничто намъ не мѣшаетъ предполагать, что прабалт. *-ai* (*-ei*) въ пом. pl. произносилось съ акутомъ, какъ и греч. *-oi*. Но для того, чтобы можно было остановиться на этомъ предположеніи, я тутъ долженъ еще разсмотрѣть условія возникновенія праславянскаго *-i* изъ *-ě*. Послѣ того какъ Streitberg JF. I, 295 выставилъ «законъ» о переходѣ на славянской почвѣ иде. *-ě* ²⁾ въ *-i* (при *-ě* изъ акутованнаго *-ē*), Meillet MSL. VIII, 239 слл., Pedersen KZ. XXXVIII, 326 слл., Vondrák, Vrgl. slav. Gr. I, 59 слл., Фортунатовъ, ср. AfslPh. XXIX, 421¹, Ляпуновъ, Формы склоненія I, 18 слл. (ссылаясь на лекціи Фортунатова), и др., расширяя этотъ «законъ», полагаютъ, что всякое циркумфлектированное праслав. *-ě* измѣнилось въ *-i*, тогда какъ акутованное *-ě* сохранялось. И московскій профессоръ Поржезинскій AfslPh. XXIX, 421 доходитъ даже до внушенія, что въ правильности этого «закона» «*darf* (курсивъ мой) man... nicht zweifeln» ³⁾. Насколько сомнителенъ въ самомъ дѣлѣ этотъ «законъ», намъ показываетъ скептическое къ нему отношеніе Бругмана KVG. § 362 и Лескина, Gramm. d. altbulg. Spr. § 43. Мало того: данныя языка таковы, что Ягичъ AfslPh. XXVIII,

¹⁾ Исключенія вроде пом. pl. *minkštī* или пом. s. *galvā* могутъ считаться легко понятными новообразованиями. Тутъ кстати замѣчу, что къ указаннымъ Мазингомъ (Hauptformen des serb.-chorw. Асс. 11 слл.) примѣрамъ типа *galvā* относятся и *žarnā* «кишка» у Шлейхера Leseb. 340 (=лат. *zarna* съ прерывистой интонаціею; у Куршата же *žárna*), gen. pl. *žarnū* ibid. 121, loc. pl. *žarnosě* (при асс. pl. *žárnas*) Leskien—Brugmann 234.

²⁾ Мѣна же праслав. *-ě* и *-i* изъ иде. *-ai* и *-oi*, по мнѣнію Штрейтберга, l. c. I, 282, можетъ быть, обусловлена различіемъ въ удареніи, но не въ интонаціи.

³⁾ Что касается новаго ученія Гера Slov. dekl. jm. 62 слл., то я тутъ ограничусь краткой передачей его: иде. *-ě* > прасл. *-i* (**mati*), иде. *-oi* > прасл. *-i* (**vylci*, **mi*), иде. *-oi* > прасл. *-ě* (**vylcě*), иде. *-oi* > прасл. *-i* (**beri*); пусть судятъ читатели сами, насколько это правдоподобно.

121 могъ прийти къ совершенно противоположному выводу, полагая, что акутованное -ѣ перешло въ -і, между тѣмъ какъ циркумфлексированное -ѣ сохранялось. Этому однако противорѣчатъ формы пом., асс. du. на -ѣ (отъ основъ на -а), ср. лит. -і изъ *-*ie*. Но теорія Мелъе и Фортунатова не обоснована лучше. Въ пользу перехода циркумфлексированнаго -ѣ въ -і скорѣе всего можно привести формы 2 и 3 л. ед. ч. повелит. наклоненія на -і (отъ основъ на -о), ср. лит. *te-sukiē* и гр. *παιδεύου(ς)*, и прксл. dat. s. *ми, ти, си*, ср. гр. *οἷ*; хотя рядомъ съ *οἷ* имѣются *οοἷ* и *ἐμοἷ* (акутъ ихъ считается возникшимъ изъ циркумфлекса въ энклитическомъ положеніи; въ такомъ случаѣ однако скорѣе ожидалось бы отношеніе **ἐμοῖ: *οῖ*, такъ какъ *οἷ* чаще всего встрѣчается въ энклитическомъ положеніи, *ἐμοἷ* же всегда имѣетъ самостоятельное удареніе, и поэтому я считаю возможнымъ, что введенная греческими грамматиками акцентуація *οἷ*¹⁾ вовсе не соотвѣтствовала дѣйствительному произношенію), а въ повелит. наклоненіи сербскія формы вродѣ *mi, pēci* указываютъ на акутъ, ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 328 (но также 329!) и Vondrák AfslPh. XXX, 288, такъ что пришлось бы допустить мѣну интонаціи, происшедшую притомъ послѣ возникновенія -і изъ -ѣ. Прочіе же примѣры, приведенные Педерсеномъ 1. с. уже слишкомъ сомнительны. Объ *i* «et» ср. выше стр. 136¹, а что до -і въ пом. pl. основъ на -о, то въ греческомъ и въ балтійскихъ языкахъ мы тутъ находимъ какъ разъ акутъ, а не циркумфлексъ! Выше мною показано, что лит. *-ai* можетъ восходить къ **-ai*, тождественному съ гр. *-oi* и соотвѣствующему относительно интонаціи литовскому -і въ прилагательныхъ и латышскому *tiē*. А разъ это возможно, то это въ данномъ случаѣ и вѣроятно, такъ какъ существованіе въ иде. праязыкѣ (и даже еще въ пралитовскомъ!) циркумфлекса рядомъ съ акутомъ въ одномъ и томъ же окончаніи было бы совершенно непонятно. Не проводя, значитъ, во что бы то ни стало, предвзятой теоріи, но руководствуясь данными языка, я не могу не признать, что также слав. -і вѣроятно восходитъ къ тому же акутованному *-oi*. Ссылаются, на-

¹⁾ Ради отличія отъ *οἷ* «qui»?

конецъ, еще на црксл. *мати*: лит. *mótė* ¹⁾, но доказательная сила этого слова не велика. Вѣдь, мы навѣрно не знаемъ, что праслав. **matě* имѣло циркумфлектированное -ѣ, такъ какъ неизвѣстно, соответствуетъ ли праслав. *-tě литовскому -tė, или же гр. -τῆρ. Въ виду отношенія црксл. *камы* къ лит. *akmiõ* скорѣе можно думать о тожествѣ прасл. *-tě съ гр. -τῆρ. Если сербскимъ *kćī* дѣйствительно доказывается праслав. циркумфлектированное -tě, то оно могло возникнуть подъ вліяніемъ словъ, соответствовавшихъ литовскимъ словамъ типа *žėmė*, ср. Pedersen KZ. XXXVIII, 326. И если бы даже праслав. *-tě соответствовало не греч. -τῆρ, но лит. -tė, то можно съ Соболевскимъ, РФВ. XXII, 21 и Древній црк.-слав. яз. 105, считать црксл. *мати* новообразованиемъ вмѣсто **matmь* подъ вліяніемъ словъ женскаго рода на -и. Соболевскій полагалъ, что старая форма уцѣлѣла еще въ староч. *mátě*; теперь это считается новообразованиемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ словъ вроде *dušě* (причемъ нѣсколько страннымъ является то обстоятельство, что это «новообразование» въ послѣдствіи опять вытѣсняется «старымъ» *máti*, хотя возможности этого я не отрицаю). Признавая однако это староч. *mátě* новообразованиемъ, мы не можемъ отрицать возможности считать новообразованиемъ также праслав. **mati*. Вондракъ относитъ сюда еще и ген. s. основъ на -i въ виду лит. -iės и гот. -ais. Но непременно къ иде. -ois восходитъ только гот. -ais, лит. же -iės скорѣе къ иде. -eis, сохранившемуся въ оск. -eis, такъ что и праслав. -i можетъ восходить къ -eis, какъ полагаетъ и Ляпуновъ I. с. 49.—А въ пользу сохраненія акутованнаго -ѣ можно привести только окончаніе пом., асс. du. основъ на -ā, ср. лит. *ranki*, и, пожалуй, еще и црксл. *въ* «мы оба», ср. греч. *ῥώ*, *ῥωδι* «знаю», ср. греч. *φέρομαι*, и *цѣ*: гр. *καί*. Что также въ пом., асс. du. основъ средняго рода на -o имѣлось акутованное -ѣ, этого мы вопреки Педерсену KZ. XXXVIII, 328, не знаемъ. Противорѣчатъ же теоріи Фортунатова и Мелье, съ одной стороны, -ѣ въ dat. s. основъ на -ā, ср. лат. -ai и греч. -ᾱ, и въ loc. s. основъ на -o, ср. греч. -οῖ, -εῖ, а съ другой стороны, -i въ пом. pl. основъ на -o,

¹⁾ Тутъ кстати укажу на Лит. хрест. 390, 5, гдѣ это слово еще значить «мать».

dat. s. основъ на *-и*, ср. греч. *δομεναι*, и въ 2 л. ед. ч. прксл. *даси* и др., ср. греч. *διδοσαι*. Изъ этихъ исключеній вполне удовлетворительно объясняется только 2 л. ед. ч. на *-си* (Вондракъ, Vrgl. slav. Gr. I, 60 сл.). А *-ё* въ dat. и loc. s. Педерсенъ KZ. XXXVIII, 326 сл. объясняетъ предположеніемъ, что во время перехода *-ё* въ *-і* въ окончаніи dat. и loc. s. основъ на *-ā* еще не получилось *-ё* изъ *-āi* (а изъ loc. s. основъ на *-ā* по мнѣнію П.-а *-ё* было перенесено въ loc. s. основъ на *-о* и въ *тебѣ* и др.). Приходится, значитъ, допустить, что одинъ и тотъ же своеобразный звукъ *ё* получается въ разныя времена, причемъ *k, g, x* передъ нимъ все-таки одинаково смягчаются въ *c, dz, s*. Вондракъ, отрицая это, полагаетъ, что *-ё* въ dat. s. основъ на *-ā* было возстановлено подъ вліяніемъ *-ё* въ loc. s., такъ какъ основы на *-і* въ dat. и loc. s. одинаково оканчивались на *-і*. Но и это объясненіе едва ли безукоризненно: вліяніе основъ на *-і* на основы на *-а* было бы совершенно понятно и естественно лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ основы на *-і* были женскаго рода; и если и допустимъ это вліяніе, то вѣдь, кажется, скорѣе ожидалось бы обобщеніе *-і*, а не *-ё*. Фортунатовъ, наконецъ (ср. Ляпуновъ I. с. 52), предполагаетъ въ окончаніи dat. s. основъ на *-ā* (и также въ loc. s. основъ на *-о*) «длительную» долготу, но я не знаю, какъ онъ при этомъ справляется съ противорѣчащими этому данными греческаго и балтійскихъ языковъ. Въ формахъ же типа прксл. *сынови* Педерсенъ объясняетъ *-і* вліяніемъ со стороны основъ на *-i*¹⁾; такое вліяніе однако понятно только въ склоненіи основъ на *-и, -r, -s* и *-nt*, отчасти получившихъ одинаковыя окончанія съ основами на *-і*. А если Вондракъ возводитъ *-и* въ *сынови* къ *-n* съ циркумфлексомъ, полученнымъ изъ dat. s. основъ на *-ā*, то при наличности такого вліянія основъ на *-ā* я ожидалъ бы скорѣе **сыновѣ* въ dat. s. Ляпуновъ же I. с. 54 возводитъ *-и* въ *сынови* къ иде. *-ai*; но греческій языкъ указываетъ на *-ai*. Это поразительное разногласіе въ объясненіяхъ исключеній ясно показываетъ, что эти объясненія не очень убѣдительны. А *-і* въ ном. pl. основъ на *-о* можно было бы

¹⁾ Ср. Brugmann Grdr. II², 2, 170.

объяснить лишь предположеніемъ, что рядомъ съ *-oi* имѣлось и *-oi̇*. Послѣ всего этого достаточно ясно, что прочность теоріи Фортунатова и Мелье могла бы быть обезпечена только запретомъ сомнѣваться въ ея правильности; но сами они навѣрно меньше всѣхъ требуютъ слѣпому къ нимъ довѣрія.—Мнѣнію же Микколы, *Rocznik Slaw.* I, 7, по которому *-ě* восходитъ къ иде. *-āi*, *-ōi*, а *-i* къ иде. *-ē*, *-ai*, *-oi*, противорѣчатъ *-ě* въ пом., асс. ду. основъ на *-ā* (лит. *-i*, *-ie* тутъ не можетъ восходить къ *-āi*), въ црксл. *въ* «мы оба» и др.; кромѣ того, неудобно считать *ě* изъ *ai*, *oi* болѣе древнимъ, чѣмъ *ě* изъ *āi*, *ōi*.—Я самъ признаю правильной гипотезу Гирта *JF.* II, 350 слл., по которой *-ě* получается изъ ударяемаго *-oi* (*-ai*), *-i* же изъ неударяемаго *-oi* (*-ai*); никто, насколько мнѣ извѣстно, не опровергалъ ея, но тѣмъ не менѣе находили возможнымъ вовсе не считаться съ нею! Отлично ею объясняются *dat. s.* црксл. *ми*, *ти*, *си* (при *мнѣ*, *тебѣ*, *себѣ*, ср. *Hirt* I. с. 351), *сынови*¹⁾, ср. скр. *sūnawē* и *Hirt* I. с. 358, и пом. pl. црксл. *ти* (съ *-и* изъ *-oi* въ проклитическомъ положеніи!). Изъ мѣстоименной флексіи это *-i* въ пом. pl. могло быть перенесено въ склоненіе прилагательныхъ (ср. аналогичное явленіе въ балтійскихъ и германскихъ языкахъ), а затѣмъ и существительныхъ, тѣмъ болѣе, что неударяемое *-oi* искони имѣлось также въ одной части именъ прилагательныхъ и существительныхъ. Въ другихъ же падежахъ, гдѣ ударяемое *-oi* (*-ai*) чередовалось съ неударяемымъ *-oi* (*-ai*), было обобщено *-n*, что отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что за исключеніемъ пом., асс. ду. основъ на *-o* среднего рода и основъ на *-ā* мѣстоименная флексія въ этихъ падежахъ расходилась съ именной флексіей (ср. црксл. *томъ дѣбѣ*, *лѣтѣ*; *тои женѣ*). Что касается 2 и 3 л. ед. ч. повел. наклоненія на *-i*, то здѣсь съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ (русскаго и сербо-хорватскаго) языковъ ожидается скорѣе *-ě* (ср. *Vondrák*, *Vrgl. slav. Gram.* II, 142 сл. и *AfslPh.* XXX, 288 сл.), но слѣдуетъ имѣть въ виду, что по указанію греческаго и древне-индійскаго языковъ глагольные основы типа *bhre-* первоначально имѣли (также въ оптативѣ) удареніе

¹⁾ Ср. *Hujer*, *Slov. dekl. jm.* 125 слл.

на корневомъ слогѣ, и что глагольныя формы вообще нерѣдко находились въ энклитическомъ положеніи. О формахъ 2 л. ед. ч. вродѣ прксл. *даси* ср. кромѣ того Vondrák, Vergl. slav. G. I, 60 сл. Относительно прксл. *вѣди* ср. Hirt JF. II, 359. Какъ видимъ, эта гипотеза Гирта не нуждается ни въ какихъ натяжкахъ, объясняя данныя языка вполне удовлетворительно. Гиртъ самъ 1. с. выводитъ *-i* только изъ неударяемаго *-oi* (*-ai*), но не изъ *-ē*, и съ этимъ, кажется, можно согласиться. Нѣтъ по крайней мѣрѣ ни одного несомнѣннаго примѣра для *-i* изъ *-ē*, такъ какъ прксл. *мати* можетъ считаться морфологическимъ новообразованиемъ, а съ другой стороны, если бы *-i* получилось также изъ неударяемаго *-ē*, то въ 1 л. двойств. ч. скорѣе ожидалось бы не *-vě*, но **-vi* (въ крайнемъ случаѣ можно думать о вліяніи мѣстоименія **vě* «мы оба»). А если это такъ, то вліяніе ударенія сказалось, какъ полагаетъ и Гиртъ 1. с., еще до перехода *oi* въ *ě*, такъ какъ иначе получилось бы *-i* также изъ того неударяемаго *-ě*, которое восходитъ къ иде. *-ē*. Я расхожусь съ Гиртомъ только въ томъ, что предполагаю въ качествѣ переходной ступени между *-oi* и *-i* не *-ěi*, но *-ei*, такъ какъ я не могу признать, чтобы неударяемое *o* въ праславянскомъ измѣнилось въ *э*, между тѣмъ какъ *-ei* изъ неударяемаго *-ai* мы находимъ также въ латышскихъ говорахъ, ср. Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XII, 1, 65. Смягченіе *k, g, x* передъ *-i* (изъ *-oi*) въ *c, dž, s* показываетъ, что *-ei* возникло изъ неударяемаго *-oi* уже послѣ перехода смягченныхъ *k, g, x* въ *č, dž, š*.

Затѣмъ тутъ еще укажу на совпаденіе славянскихъ и балтійскихъ языковъ въ окончаніи дат. п. множ. ч. (праслав. **-mъ*, лит. *-m(u)s*). Что до *-m-* (также въ творит. пад.), то мы его находимъ въ этихъ окончаніяхъ также въ германскихъ языкахъ; но *-us* за этимъ *-m-* въ дат. пл. свойственно только славянскимъ и балтійскимъ языкамъ. Накопившаяся объ этомъ окончаніи литература однако принуждаетъ меня тутъ посвятить цѣлый экскурсъ заподозрѣнному и даже отрицаемому тождеству лит. *-mus* съ праслав. **-mъ*¹⁾. Прежде всего нѣкоторые оспариваютъ происхожденіе лит. *-u-*

¹⁾ Совершенно правильно отождествляя ихъ уже Osthoff Morphol. Unters. II, 31 сл.

въ этомъ окончаніи изъ иде. *и*: Wiedemann, Handbuch 51, и Поржезинскій, Сборн. статей, посв. акад. Ф. О. Фортунатову, 622, отождествляютъ лит. *-mus* съ пр. *-mans*, а Гиртъ, JF. II, 346 и V, 254, возводитъ *-mus* черезъ **-muos* къ иде. **-mōs*. И та, и другая гипотеза опровергается литовскимъ удареніемъ: лит. *dievāms* можетъ восходить только къ **dievāmus*, между тѣмъ какъ ожидалось бы **dievamūs* (> **dievaĩms*), если бы *-mus* восходило къ *-mōs*¹⁾ или **-mons* (кромѣ того слишкомъ сомнительно, чтобы изъ иде. **-mons* могло возникнуть лит. *-mus*)²⁾. Лескинъ, правда (у Бернекера Pr. Spr. 196), отрицаетъ происхождение лит. *-āms* изъ *-āmus*, ссылаясь на сохраненіе лит. *и* въ конечныхъ слогахъ и возводя *-āms* къ пралит. **-āmas*. Слѣдуя аргументаціи Лескина, мы были бы принуждены отрицать также тожество dat. s. *tām*, *gerām* со старолит. *tāmui*, *gerāmui*, такъ какъ существительныя всегда сохраняютъ *-ui* въ dat. s. Не знаю, пришелъ ли Лескинъ дѣйствительно къ такому выводу, но нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что *tām*³⁾ тожественно съ *tāmui*. Отпаденіе *-ui* вѣроятно сначала имѣло мѣсто въ мѣстоименныхъ формахъ, которыя часто являются въ неударяемомъ положеніи, а изъ мѣстоименной флексіи *-ām* было усвоено и прилагательными. Такъ-же и въ dat. pl. *-ms* могло возникнуть изъ *-mus* сначала въ неударяемыхъ мѣстоименныхъ формахъ и отсюда потомъ перейти также въ именную флексію, чему могло содѣйствовать стремленіе имѣть въ dat. pl. столько же слоговъ, какъ и въ большинствѣ остальныхъ падежей⁴⁾. И исторія литовскаго языка, насколько она намъ доступна по памятникамъ, говоритъ въ пользу того, что *-mus* древнѣе, чѣмъ *-ms*, или, иными словами, что *-ms*

¹⁾ Ср. наприм. i. pl. *sirdiĩms* изъ *širdim̃s* при dat. pl. *širdim̃s*.

²⁾ Поэтому я не согласенъ и съ Гуеромъ Slov. dekl. jm. 17 и 155, возводящимъ *-mus* къ прабалт. *-mans* (=пр. *-mans*) и объясняющимъ это *-mans* контаминаціею окончаній **-man* (изъ иде. **-mom*) и *-mas* (изъ иде. **-mos*).

³⁾ Приведенное Бугою (Kalbos dalykai 11) ἀπαξ εἰρημένον (*tārmui*) *tawāmi* въ постиллѣ 1599 г. (при многочисленномъ *-amui*) на мой взглядъ простая опечатка вмѣсто *tawāmui*.

⁴⁾ Можно также думать о возникновеніи *-ms* и *-m* въ слишкомъ длинныхъ формахъ вродѣ **gerāmuĩjamui* и **geriemusjietus*; ср. сокращенія loc. s. *geraiĩiatę* изъ **geratęiatę* и loc. pl. *geruōsiuose* изъ **geruoseiūose*.

получилось изъ *-mus*: въ древнѣйшихъ памятникахъ это *-mus* встрѣчается еще часто, между тѣмъ какъ теперь оно, кажется, почти совсѣмъ вышло изъ живого употребленія (по сообщенію К. К. Буги въ Словикахъ, въ Сувальской губ., въ «Отче нашъ» еще встрѣчается *dat. pl. saviemus kaltiemus*, и въ Водакляхъ, въ Вилкомирск. уѣз., старики иногда еще употребляютъ формы: *vilkāmus, mergōmus, geriemus* и др. Если же *-ms* восходило бы къ иде. **-mos*, то въ старолитовскихъ текстахъ вѣроятно еще встрѣчалось бы **-mas* (два примѣра съ *-mas*, приведенные Бецценбергеромъ Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 142, при огромномъ количествѣ формъ на *-m(u)s* скорѣе всего простыя опечатки). Meillet, наконецъ, Recherches 107, увѣренъ въ позднемъ происхожденіи окончанія *-mus*, ссылаясь на Бернекера Pr. Spr. 196 сл. Какъ же тамъ доказывается позднее происхожденіе этого *-mus*? Бернекеръ (и также Бругманъ Grdr. II², 2, 257) полагаетъ, что **-mas* было измѣнено въ *-mus* подъ вліяніемъ асс. *pl.* на *-us*, подобно тому какъ въ прусскомъ языкѣ старое *-mas* (сохранившееся въ мѣстоименной флексіи) измѣнилось въ *-mans* подъ вліяніемъ асс. *pl.* на *-ans*. Что пр. *-mans* такъ возникло, съ этимъ можно согласиться, такъ какъ такое смѣшеніе окончаній *dat.* и асс. *pl.* совершенно понятно при употребленіи въ прусскомъ языкѣ вин. пад. (въ качествѣ общаго косвеннаго падежа) послѣ предыдущаго дат. падежа въ значеніи дат. падежа; ср. наприм. у Траутмана Altpr. Spr. 210 обороты вродѣ *stēimans maldans; noūmas crixtiānans; wissamans wargans*. Если въ оборотѣ **wissamas wargans* «allen bösen» обѣ формы имѣли значеніе одного и того же падежа, то возникновеніе *wissamans* было почти неизбежно. Но какъ же объяснить лит. *-mus* изъ **-mas* + *-us*, когда въ литовскомъ языкѣ нѣтъ никакого смѣшенія дательнаго и винительнаго падежей? Не могло же возникнуть такое *-mus* изъ **-mas* + *-us* только благодаря тому, что въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно дат. и винит. падежи помѣщаются рядомъ! Прибѣгая къ аналогіи и контаминации, можно объяснить много формъ, но не слѣдуетъ этого дѣлать механически, не доказывая возможности ихъ примѣненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. У Бернекера I. с. мы, правда, находимъ нѣчто похожее на объясненіе: «Ein Anstoss zu